

Валерий Васильевич
Осадчук

Через тернии к счастью

Валерий Васильевич Осадчук

Через тернии к счастью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23931869

ISBN 9785448396267

Аннотация

Не вполне сформированное сознание юной Девы в круговерти жизни в стремлении к так называемой взрослой свободе привело к ошибкам молодости. Осознание совершения морального предательства по отношению к своему ребёнку всколыхнуло природное материнское чувство. Долгий и тернистый путь исправления своих ошибок вознаградил Деву Великим Материнским Счастьем и любимым человеком.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	53
Глава 5	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Через тернии к счастью

Валерий Васильевич Осадчук

*Что впереди: дорога иль тропа,
Или асфальт прекрасной магистрали?
Дать выбор в состоянии судьба,
Но трудно выбрать лучший путь вначале.
А. Болутенко*

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Валерий Васильевич Осадчук, 2017

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9626-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1

– Ты, что ли, милая, оставляешь ребёночка? – тихо спросила пожилая няня, меняя простыни на постели у молодой мамыши, родившей ночью и сейчас отходившей от родов, не столько физически, сколь морально. Она сидела на стуле у окна, широко расставив ноги и положив подбородок на сведённые ладони.

Молодой мамаше на вид было лет восемнадцать-девятнадцать, но по фигуре можно дать и больше. Тёмно-каштановые, крашенные волосы были растрёпаны по голове и шее, не заправлены, как у всех рожениц в палате, под косынку.

Как бы ни пытались в отделении сохранить тайну отказа, но не всегда это удавалось. Каким-то образом, а может чувством, об этом узнают нянечки и санитарки. И как тут утаишь, когда ночная роженица закатила такую истерику, кричала, что слышно было за плотно закрытыми дверями родовой палаты и, дежурная медсестра в испуге подскочила к двери и всё слышала.

– Не хочу его, – доносился крик из-за двери, – заберите...

– Ты посмотри на него, – уговаривал мужской голос доктора – заведующего родильным отделением, принимавшего роды у первородки. – Богатырь!

– Как бы в подтверждение слов врача, раздался громкий крик – первый голос только что появившегося на свет человека:

– Уа-а-а, уа-а-а!

– Не хочу! Мне больно. Уберите его! – доносился истеричный крик. Дежурная медленно, на цыпочках, удалилась на пост.

К утру, весть об отказнице, стала известна прибывшим на работу, пожилой нянечке и тоже, не молодой уже санитарке. Выполняя свою работу тихо, почти без шума, стараясь не беспокоить рожениц, обе исподтишка посматривали на замершую у подоконника героиню переполоха в отделении.

Не смотря на предупреждения заведующим, чтоб не распускали языки, разве сможет «нормальная» женщина, тем более пожилая, вырастившая в другое время своих троих детей, остаться равнодушной к такому опрометчивому, или даже преступному, решению молодой, впервые родившей девочки и не поделиться с кем-то.

Нянечка, очень душевная женщина, всегда утешала, мучающихся от родовых травм рожениц:

– Ничего, милая, ничего, потерпи. Больнее раны, дороже будет дитя. Такая наша, бабья доля, рожать, Богом данная. А Бог любит тех, кто страдает, а женщину особенно. Терпи, милая.

И от этих слов у стонущих, молодых рожениц, боль дей-

ствительно прекращалась и они уже счастливо улыбались, глядя на бабульку.

Более грубоватая санитарка, протиравшая пыль тут же, на тумбочках и подоконниках, по-своему выражала своё сочувствие, стонущим молодым женщинам:

– Ни куда не денетесь, боль пройдёт быстро, и прибежите рожать ещё не раз. Не вы одни такие.

Сейчас тётя Маня, так звали нянечку, осторожно, чтоб не поднимать пыль, сворачивала испачканную кровью и зелёной пелёнку, на постели сидевшей у окна пациентки и тихонько, чтоб не мешать другим, пыталась достучаться до сердца молодой роженицы, принявшей такое отчаянное решение.

– А папашка у ребёночка, кто, ты знаешь?

– Да, откуда таким знать про папашку, – встряла в разговор санитарка, бурча под взмахи швабры, – ложатся под кого попало, для удовольствия, а потом дети, как цыплята инкубаторские, появляются.

– Хватит, Петровна, тебе бурчать, – одёрнула тётя Маня, водившую шваброй под соседней, пустой кроватью, санитарку. – Девке и так тяжело.

– Испугался папашка, как узнал, что беременна, сказал, не его, – донёсся тихий голос от подоконника.

– Во, во! Ещё не знают от кого, – опять встряла не сдержанная санитарка.

– Знаю. Он один только был, – тихо, как бы оправдывалась

девушка.

– Надо было думать сразу, как понесла, – продолжала бурчать женщина.

– Я не поняла сначала, а потом, врач сказала... поздно, – девушка тяжело вздохнула, – прерывать, большой срок.

– Не городская, что ли? – опять шепча, спросила тётя Маня.

– Нет, – помотала головой девушка.

– У-у! Тогда понятно. Городские грамотные, предохраняются.

– Предохраняются, а всё равно залетают, – остановилась Петровна, опёршись о швабру. – По несколько раз прибегают чиститься. И о чём только думают? Останутся без детей, тогда задумаются.

– А ты, милая, подумай, подумай, – тётя Маня присела на краешек кровати, ближе к девушке. – Посмотри на него, к груди приложи, пусть соснёт титьку-то, глядишь, и откроется твоё сердечко.

– У-у-у, – донёсся не то вой, не то плачь, из-под упавшей правой щекой на сведённые ладони, головы. – Не хочу-у, не смогу-у. Дома узнают, выгонят, – доносились между всхлипами плача, слова-страдания девушки.

– Ну, как могут родители дитё с грудным выгнать? – тихо, несколько растерявшись, произнесла тётя Маня. Две другие роженицы на своих кроватях лежали тихо, уже не стонали, прислушивались к волнующему разговору нянечки с другой

их подругой и хоть не слышали всего разговора, но догадывались о его сути, искоса поглядывали на плачущую девушку.

– Они... строгие. Нас пятеро, – с трудом успокаиваясь от всхлипов, объяснила та. – Старшие женатые и замужем. Я и ещё младшая, остались. Они убьют меня, – опять в захлёб зарыдала бедная девушка.

Санитарка, что-то бурча себе под нос, подхватила швабру и пошла к ведру с водой, полоскать тряпку. А тётя Маня протянула руку, сколько могла дотянуться до плеча плачущей девушки, нежно похлопывая и поглаживая по вздрагивающей спинке, успокаивала плачущую:

– Не плачь, милая. Не надо. Тебе нельзя плакать. Молоко может пропасть. – А девушка, ещё больше рыдая, поднялась со стула и, придерживаясь за спинку кровати, а потом и поддерживаемая нянечкой, прошла к подушке и, взяв со спинки в изголовье, полотенце, уткнулась в него и села на кровать. Нянечка, помогая молодой женщине лечь, приподняла её ноги, покрытые ниже колен больничной сорочкой и с которых спали на пол тапочки, на кровать, затем накрыла одеялом, подтянув его до плеч. Поправляя плачущей девушке голову на подушке, прошептала, как бы на ухо:

– Запомни одно, девонька. За свои ошибки в молодости, мы горько и тяжело рассчитываемся в старости. – Пригладила нежно волосы на голове девушки и добавила: – Ну, поспи, отдохни, – сама забрала грязное бельё и пошла из палаты

вслед за Петровной, выходявшей уже в дверь с ведром в одной руке и шваброй в другой.

2

– Михайлова! – заглядывая в дверь палаты и делая ударение на «о» в фамилии, позвала дежурная сестра роженицу, лежащую на кровати у окна. Девушка нехотя приподняла голову, услышав свою фамилию. – К доктору, – добавила сестра, увидев, что пациентка обратила внимание и сама прикрыла дверь плотней.

Роженица осторожно встала, опустив ноги на пол и нащупывая ими тапочки, выпрямилась, придерживаясь за спинку свободной кровати, стоявшей посередине палаты, направилась к выходу.

– Ольга, – обратился доктор – зав отделением к девушке, – вы не изменили решения в отношении своего ребёнка? – глядя в глаза молодой женщины, сурово спросил он.

– Нет. – Еле слышно, но уверенно произнесла молодая женщина, стоя перед доктором и опираясь о спинку стула и, с нетерпением надеясь, что скоро этот доктор избавит её от самой страшной причины её страха.

– Вы понимаете, что никогда больше не увидите своего сына?

– Понимаю.

– И вы не будете иметь на него ни каких прав. Вы это осознаёте?

– Угу.

– У него, в лучшем случае, будут другие родители. Либо, его ждёт дом малютки и всевозможные интернаты. Такой судьбы желаете сыну с первых дней жизни?

– От-пу-сти-те меня..., – с полными слёз глазами, чуть слышно произнесла измученная, молодая женщина.

– Проходите сюда, присаживайтесь, – доктор указал рукой на стул у стола. Ольга, как могла быстро в таком состоянии, подошла к столу и осторожно присела на краешек стула. – Вот, здесь, – указал он пальцем на листок перед роженицей, – прочитайте и распишитесь. Это Заявление об отказе от ребёнка.

Девушка осторожно взяла пальцами правой руки шариковую ручку, лежавшую рядом с листком бумаги испещрённым печатным текстом и пропусками, в которых ручкой было вписано «Я, Михайлова Ольга Алексеевна», и дальше перечислялись её паспортные данные. «Отказываюсь от рождённого мной ребёнка мужского пола...», читала девушка написанное, дальше ручкой и опять небольшой пропуск.

– Вы имеете право, – оторвал от прочтения доктор, – ... дать имя ребёнку, если хотите, конечно.

– Нет, – замотала головой девушка. – Ничего не хочу. Что надо сделать? – спросила она слабым голосом.

– Расписаться, вот здесь, – доктор показал пальцем место подписи, – и здесь.

– Нет..., можно... я назову... его, – как будто, что-то ожило в девушке, она посмотрела проникновенным взглядом

в глаза доктору. А он, борясь с чувством неприязни к девушке, окинул её, не понимающим и, в то же время, понявшим взглядом, спокойно кивнул головой и тихо добавил:

– Можете. Ваше право...

– Можно, я назову его... Олег, – живее спросила не состоявшаяся мамаша.

– Давайте, – доктор взял листок бумаги, лежавший перед девушкой, – я запишу в Заявлении, – как-то официально и больно для сердца, назвал документ доктор. Он придвинул листок к себе и в пустовавшем месте, ручкой вписал «Олег». – Отчество будем вписывать? – спросил он.

Девушка помотала отрицательно головой:

– Нет.

– Ну, и не надо. Это не обязательно, – он придвинул ещё раз листок к девушке и она, взяв ручку, нацарапала свою, ещё не устоявшуюся подпись: «О. Мих.». – Ну, что ж, государство у нас доброе, позаботится о детях, определим его в Дом малютки или на усыновление. У нас есть очередники на усыновление.

Девушка сидела и только кивала головой в знак согласия с доктором. У неё как будто, гора с плеч свалилась. Будто, поставив эту закорючку-подпись, она избавилась от всех проблем, державших её цепкими щупальцами. Она даже ожилилась и, уже не чувствовались боли от разрывов родовых путей, будто и не она вовсе рожала.

– Можно мне идти? – спросила довольная, уже свободная

и... Нет, всё таки, нельзя сказать «счастливая», но, несколько окрылённое и для всех будущих окружающих, непорочное, молодое создание, двадцати лет от роду.

Глава 2

1

Андрей и Елена Видовы наконец то получили приглашение из Дома малютки, когда уже отчаялись и ждать то.

Полгода назад они обратились в Дом малютки с просьбой об усыновлении или удочерении ребёнка, желательно, новорожденного. Но подходящего варианта не было, и они стали ждать. Несколько раз звонили, узнавали – не забыли ли о них. Но заведующая домом малютки успокоила их и заверила, что они первые очередники.

Андрей и Елена были женаты уже пять лет, но лишь на третий год семейной жизни почувствовали не ладное, беременность не наступала. Пройдя массу обследований в областном гинекологическом центре, а затем в столичном институте репродуктивности и планирования семьи, диагноз оказался неутешительным – не проходимость маточных труб и недоразвитость матки у Лены. Начались мучительные месяцы и годы лечения.

По завершении курса лечения и повторного обследования, результат был положительным. Но, и в течение следующего года беременность так и не наступила. Доктор из гинекологического центра в беседе намекнул:

– Вы знаете, молодые люди, не редко толчок наступлению

беременности, даёт приёмный ребёнок. Подумайте над этим.

Видовы готовы были на любые меры по лечению и восстановлению детородной функции, но о том, чтоб взять из детдома ребёнка, даже мысли не возникало. И теперь, бредя по осенней набережной, после беседы с доктором, каждый думал про себя.

Он: «Я люблю её, – рассуждал Андрей, – мы уже пять лет вместе, вернее женаты, а до того, вместе в институте... Хотя и сблизилась уже под выпуск, но, я её выбрал среди других за... за... За что, „за“-то? Не знаю даже... Просто, она показалась какая-то родная, что ли? Девчонок было много, но привлекла только Лена. И, что в ней было? Нет, не помню».

Она: «Надо же такому случиться? Ну, почему это со мной...? Ведь так хорошо – полюбили друг друга по-настоящему. Он так мечтал о ребёнке! Работал..., хотел, чтоб я не работала, пока буду вынашивать... А получилось? Да, ничего не получилось. И подумать только – недоразвитость матки! Вон, и мама, и сестра, обе рожали. А на мне почему-то природа как..., как остановилась, что ли?»

Он: «Да, что там помнить!? Одного взгляда на неё было достаточно – родная и всё! С другими не гуляла, не... Тьфу, черт! ...Да она никогда..., ни с кем... Я уверен. Анализы показали – это не инфекционное заболевание, природное. Она не виновата. Хотя и переживает не меньше моего».

Молодые люди брели, молча, плечо к плечу по набереж-

ной реки, выложенной тротуарной плиткой и усыпанной красивыми жёлто-бурыми листьями деревьев каштана, которые растут ровной линией по верхнему краю набережной, слева от идущих. Справа, чуть ниже, вода реки омывала плитки, уходившие в низ.

Стоял спокойный, безветренный, серый осенний день. Парочка брела, не обращая внимания ни на дворников, грёбших железными мётлами листву с газонов и тротуаров, ни на других, прогуливающих людей тут же. И, лишь, когда на пути оказался маленький человечек, в ярко-голубом комбинезончике и с букетом, из резных, жёлто-бурых листиков, оба остановились, с тоской и завистью наблюдая, как чьё то, сидящее на корточках, счастье, выказывает очередное фантастическое действие – собирает свой, возможно первый, букет.

Как замороженные, Андрей и Лена наблюдали за происходящим чудом. И вдруг, «оно» посмотрев на букет, пыхтя, выпрямилось на ножки и, окинув взглядом вокруг, найдя свою маму, как сказочный гномик, перебирая быстро ножками, побежало к ней. Подбежав к маме, малыш протянул букетик и женщина, левой рукой приняла подарок сынули, а правой подхватила его и, прижав к себе, выпрямилась, нежно поцеловав в щёчку.

Андрей и Лена посмотрели друг на друга и, ничего не говоря, лишь горько улыбнулись и так же молча, пошли дальше. У Лены к горлу подкатил комок, переносицу заломило,

а в уголках глаз показались предательские бусинки слёз.

Андрей, не видя этого, почувствовал, как его любимой стало плохо после такой встречи и, зайдя вперёд, остановился перед женой, беря её за локотки, выделявшиеся твёрдостью косточек через рукава серого, драпового пальто с большим отворотом, заполненным красивым красным шарфом, повязанным узлом под шеей. Их глаза встретились: её – полные слёз, его – полные решимости. Похоже, было, он для себя всё уже решил, оставалось только получить её согласие.

Но первой заговорила женщина, тихо, душевно:

– А это ведь не игрушка, взятая на прокат. А вдруг, у нас к нему не откроется чувства? И, что тогда? Мы всю жизнь будем знать, что в нём не наша кровь. Сможем ли мы жить с этими мыслями всю жизнь? А вдруг и правда, это даст организму толчок и у нас появится свой ребёнок?... И, вся любовь переключится на него? Тогда что? А тот почувствует...? Я не знаю, как быть. И время идёт...

До сих пор, Андрей, внимательно слушавший жену и смотревший в её искренние глаза, заговорил уверенно и решительно:

– Но мы, взрослые люди, наделённые не только чувством, но разумом, я так понимаю. Если мы выстрадали все эти годы ожидания, обследования и лечения, с надеждой на успех, то и, взяв ребёночка, из Дет дома ли, из Дома малютки ли, мы будем заботиться о нём, будем видеть, как он растёт. И, я знаю, мы полюбим его, как своего. А когда появится свой

малыш, я уверен, они не будут разделяться, оба будут свои.

– Ты, думаешь, сможешь полюбить его? – осторожно спросила Лена.

– Думаю, ...да. Думаю, мы оба полюбим его.

– Давай узнаем, где есть такой дом, или, может, в роддом сходим, поинтересуемся.

– Я согласен, – заглядывая в глаза любимой и нежно целуя её в носик, и прижимая к себе, тихо произнёс Андрей. – Завтра съездим в роддом. Хорошо? – Лена только кивнула головой. – Ну, что, поехали домой? – Она опять кивнула и, обнявшись, он её за плечо, она его за талию, оба счастливые, побрели дальше, уже по чистому от листьев тротуару, пока не скрылись за поворотом набережной.

2

Разобравшись с проблемой и получив список документов и справок, необходимых для этой процедуры, молодые люди, окрылённые надеждой, отправились в обратный путь. Сам сбор документов, много времени не потребовал. Оба Видовы были руководителями собственных предприятий, и ходить по инстанциям особенно не потребовалось. Через три дня Андрей уже вёз документы в соседний городок. «Дело осталось за малым, – как пошутил, не лишённый чувства юмора, Андрей, – ждать».

И ждали. Испытывая жгучее терпение, видя счастливые лица друзей и сотрудников, спешащих, кто в садик, кто к теще или к свекрови, или к няне, за детьми. А они, ждали.

Выходя на редкие прогулки по набережной, и видя, счастливых родителей, гуляющих с малышами и в колясках, и просто за ручку, ждали своего счастливого дня, завидуя счастливым мамам и папам.

Дождались! Наступил тот счастливый момент – из Дома малютки пришло приглашение. При подаче заявления на усыновление, Видов указал почтовый адрес фирмы, посчитал, что там он больше находится и почта до него дойдёт быстрее. Так и случилось.

Придя в одно прекрасное, сентябрьское утро на работу и просматривая в офисе утреннюю почту, последним оказался конверт с адресным штампом Дома малютки. Обрадованный Андрей, дрожащими от волнения пальцами открыл конверт и извлёк из него маленький листочек, прочитав который, тут же набрал по мобильному телефону номер жены. Ответ не заставил долго ждать.

– Собирайся. Есть приглашение. Скоро буду, – коротко сказал мужчина и, сложив телефон, опустил его в карман пиджака.

Выехав из областного города в сторону райцентра, чёрная «Ауди А-4» вскоре приняв вправо на обочину, остановилась.

– Ты знаешь, – произнёс мужчина, – у меня такое ощущение, будто я еду рожать.

– У меня тоже. Но, какое-то двойственное.

– Это почему? Сомневаешься, правильно ли поступаем?

– Нет! Совсем нет. У меня не выходит из головы вопрос:

Как та, что родила, будет отказываться от ребёночка? И другая мысль: А почему отказывается? Что у него в генах?

— Но это, извини, не всегда гарантировано и при нормальных родах. А причины для отказа могут быть разные и даже банальные, которые для посторонних, кажутся смешными. Порой, лучше отказаться в пользу других, чем делать несчастной жизнь новорождённого. Самое главное, чтоб для ребёнка, это было первое и последнее испытание, а для нас, чтоб никогда она, — Андрей сделал ударение на слове «она», — не оказалась на нашем пути, тем более, на его пути. — Мгновение помолчали, думая каждый о своём, затем мужчина спросил: — Поехали? Я готов, — добавил он, и машина плавно набирая скорость, повезла сидящих в ней будущих папу и маму, к своему счастью.

Глава 3

1

Вспоминая все эти события пятилетней давности, Ольга не раз вспоминала слова тёти Мани про женскую долю рожать детей и быть матерью. Уже не раз в её сознании, как на яву, вставал момент, когда акушерка подняла перед её глазами это ужасное, красно-коричневое, с морщинистой головкой и игрушечными, как у куклы ручками и ножками и, о Боже!... кнопочкой – мальчиковым писюном, существа. А оно вертит головкой и верещит как поросёнок, не глядя на неё, на... маму. «На маму? Да какая ж я мама?»

Ольга уже успела побывать замужем. «Замужем? – спрашивала она себя. – За мужем? Или была удовлетворительницей прихотей мужа?»

Молодая женщина брела ранним утром по тёмным улочкам городка и рассуждала сама с собой:

«Вот, уже какой раз я бегу от него, от грязных, его притяжений на свободную любовь». – За два года, что они живут как муж и жена и, даже расписаны, и, даже в квартире, как бы подаренной его родителями, но, не оформленной не на него, не на неё. «Квартира!? Ну, да и чёрт с ней, с квартирой!».

Родители порядочные, нормальные, люди. Когда на свадьбе объявили о подарке, на следующий день оба, и свекровь

и свёкор, разговаривали с обоими и, как бы извиняясь перед невестой:

– Оля, можешь осуждать нас, можешь ругать, но мы знаем, что у нас за сын. Говорим, как бы нам больно и стыдно не было, – объясняла свекровь, – но наш сын оболтус, не серьёзный. Это – наше баловство..., распустили мы его.

– Мама, – возмущался молодой, – чего ты волну гонишь? Всё будет нормально. Не нагоняй напраслину.

– Цыц, ты! – осадил его отец. – Мать не напраслину говорит, а то, как оно есть. – Отец досадно вздохнул. – Ты не серьёзный, в твои двадцать шесть и, мы это видим и переживаем.

– Мы пока не будем переписывать на вас квартиру, – вновь заговорила свекровь и дрожащие её пальцы говорили о её волнении и о том, как не просто ей даётся этот разговор. – Ты уж прости нас, дочка. Жизнь сейчас такая..., какая-то не прочная, временная. А, если у вас заладится, и пойдёт жизнь...

– Мать, – возмутился не на шутку сын, – ты меня уже ниже плинтуса опустила.

– Ты сам туда упал, – парировала женщина, – и девочку за собой тянешь. Но ты, дочка, не переживай, знай, если родишь дитё, мы поможем всем, чем сможем и квартирку оформим на дитё. Без угла не останетесь, – душевно тепло, но, с еле заметной гримасой душевной боли, закончила разговор свекровь.

Оля и не обиделась. Родители мужа, оказались честными, душевными людьми, откровенно признали свою ошибку с сыном и не скрывали этого. Так оно и получилось.

Муженек как помешался на сексе: то ему подавай любовь втроём, приводил прежнюю подружку и развлекался одновременно с женой и с подружкой; то приводил друга и уговаривал при нём заняться сексом с другом. Её хватило только раздеться при постороннем мужике. А когда и тот разделся и, увидела перед собой двух голых мужиков, волосы на голове зашевелились, представив, что они сейчас с ней будут делать. Как ошпаренная, Ольга похватила свои вещи и, на ходу одеваясь, под хохот мужа, выскочила из квартиры. После этого, неделю жила у подруги, с мужем не хотела встречаться.

Сколько раз уж, Ольга думала: «Ну, может забеременеть и родить ребёнка, может он успокоится и родители исполнят обещание на счёт квартиры?»

Сказав однажды мужу, что беременна, услышала от него, не радость будущего отцовства, а не то упрёки, не то угрозы: «Только попробуй! Рано ещё. Не до детей...»

Улицы были почти тёмными, а зарождающийся рассвет слегка осветлил небо. Жители прилегающих домов ещё только просыпались и, редко где горели огни в окнах, а там где горели, из ближних, скудная полоска света стелилась по земле. Оля брела по тёмным улочкам и вспоминала ночной ад, из которого некоторое время назад, она вырвалась.

Вчера её муженёк привёл в дом друзей, мужа и жену, как и они, почти два года назад поженившихся. Ольга была знакома с ними и, даже не плохо. Вместе были в компаниях, ездили на море и там жили в одном, двух комнатном номере. И вчера Ольга искренне обрадовалась их приходу. Общение с мужем уже не доставляло ей удовольствия, надоело смотреть на его задранные ноги перед телевизором. Иногда, объединяла только большая бутылка пива на двоих за затянувшимся молчанием перед телевизором. Других развлечений не было. И приход друзей поднял настроение хозяйки.

Вместе приготовили ужин, выпили, повеселились, потанцевали, и за играми, Ольга даже не заметила, как обе пары вместе, оказались голыми в одной постели. И, может быть и это бы ничего, что занимались любовью с мужьями обе пары рядом, но, когда её муж перевалился с неё на соседку, а её муж на Ольгу, она ничего не успела предпринять, как он овладел ей. Ничего не оставалось делать, сил просто уже не было, молча, выдержала это испытание и решила: «Всё! Хватит! Ухожу. Мне больше этого не надо. Это не муж, а... а...» – не нашла сравнения. Скосив глаза, посмотрела на соседку, рядом, с которой только что свалился её, Ольгин муж. Та лежала, распластавшись на постели во всей своей красе, обессиленная, с закрытыми глазами, закинула свою ногу на ногу Ольги, рядом с которой лежал с зажмуренными глазами, друг мужа, тоже Васька.

Ольге стало противно. Комок тошноты подкатил к гор-

лу, вот-вот изнутри всё вырвется наружу. Молодая женщина высвободила свою ногу из-под ноги соседки и, как лежала на спине, сползла в низ, мимо ног всех лежащих на пол. Не чувствуя стыда, а только отвращение от всего происшедшего, прихватив по пути своё бельё и бюстгальтер, прошла в ванную. Сначала, под тёплой, потом под прохладной струёй воды, привела себя в чувство. Вытерлась, растерев тело полотенцем, затем, одевшись в халат поверх белья, вышла в прихожую. На их с мужем двухспалке, продолжали красоваться голые тела мужиков и женщины между ними. Левая рука её мужа, возлежала на впалом животе не рожавшей подруги. Отвернув взгляд от противной картины, Ольга схватила свой плащ с вешалки и, воткнув ступни ног в туфли без задников, вышла из квартиры.

Теперь, ни свет, ни заря, Ольга шла по затемнённой улочке старого района города, где, в так называемых «хрущёвках», находилась их с мужем квартирка. Шла, спотыкаясь о крупные камни гравия, которым были засыпаны выбоины на асфальте, в связи с проводимым «ямочным» ремонтом. Шла, спотыкаясь и чертыхаясь после каждого попадания ногой на камень. А в голове всё настойчивее бурлили противоречащие друг другу мысли:

«Ну, кто я? Ну, что я? Проститутка? Вроде... нет. Не торгую телом. Замужняя? Вроде да. Переспала с другом мужа, а он с его женой? Так не тайно же от него, а вместе, на одной кровати... Аморально? А что такое „аморально“? Кто

мне объяснил, или объяснит? Хотела свободной, городской жизни, и жила, как хотела». — Нога снова наступила на камушек и «ч-черт», — вырвалось из уст одинокой женщины в осеннем, прошлогодней моды, плаще с пояском, концы которого, оказались не завязанными, а опущенными в карманы.

Брела уже битый час. Спешить не хотелось. Да и, некуда было. Подруга ещё спала. «А, вдруг, не одна? ...И, я тут!»

Раннего, осеннего солнца ещё не было видно, но рассвет уже полностью овладел городом и стали появляться редкие прохожие, спешащие по своим делам. И вроде бы можно было не спотыкаться и видеть камни, но глаза не смотрели вниз, под ноги, а, слезясь от досады, на не сложившуюся жизнь, вели эти ноги прямо, дальше от ставшего таким постылым, места, где, чем дальше, тем глубже затягивало в какой-то омут.

В пылу весёлой жизни и беззаботного времяпрепровождения, Ольга особо и не осознавала мотив происходящего с ней. Выпивала в компаниях, но не допивалась до чёртиков, умела в какой-то момент остановиться, или ограничить себя. Помогало женское чувство самосохранения и повышенной ответственности, впитанное с молоком матери в деревенской семье. Она считала, что каждый должен сам уметь это делать, а не должен кто-то заставлять и указывать. Но, не по-деревенски была и раскованной. Отплясывала навеселе с двойной энергией и так же, как новые, городские подруги, свободно могла раздеться перед компанией и, за-

прыгнув на стол, отплясывать почти голой.

«А, что тут такого? А все так отдыхают. Не в деревне же?! Молодая, хочу развлекаться. Рано коровам хвосты крутить. Может, ещё и не вернусь в деревню...», – размышляла, ещё каких ни будь два-три года назад. А с каждым прошедшим месяцем и годом, по данной природой интуиции, в сердце всё больше закрадывается тревога: «А кто я? А что я? А куда я?»

2

Ольга часто вспоминает трёх своих деревенских сверстниц, с которыми выросла со школы и с которыми не раз обсуждали будущую жизнь, и всегда приходили к одному, что в любом случае, их жизнь будет связана с мальчиками – мужчинами. Всегда, когда разговор заходил об отношениях с мальчиками-мужчинами, подружки заливались от смеха, пытаясь объяснить эти отношения с помощью пестика и тычинки.

«Да где взять в деревне этих «пестиков», когда всего один парень, близкий к их возрасту, да и тот, как и старшие его братья, и в будние и в выходные дни, в поле: то пашет, то полет, то косит, то урожай убирает. И нет у него интереса к девкам, кроме как пугнуть их, проезжая на тракторе мимо лавочки под ракитой на бережку высохшего ручья, на которой, как на насесте, плюясь шелухой от семечек, восседают четыре подружки. Он вильнёт рулём в их сторону, вроде как наезжает на них, а те с визгом слетают с насеста, хотя и зна-

ют, что угрозы ни какой, такая игра, шутка. Но, каждой хочется думать, что Васька заигрывает именно с ней. А Васька, смеясь через левое плечо, отворачивает свой «Белорус» и мчится дальше, по дороге в поле.

Кому что, а девочки, по природе своей, о любви мечтают, о красивых, пусть даже трактористах, приехавших их сватать на железном коне. И, давно не видя этого в своей деревне, а помня бабушкины и мамины рассказы, как это происходило в «старину», домысливали и фантазировали уже по-своему.

Слушая фантазии очередной подружки, все смеялись, надрывая животы от какой ни будь новой особенности в рассказе. Не зная практически, как «это» происходит между мужчиной и женщиной, но каждая видела, когда бык запрыгивал на корову, а хряк на свинью и, что при этом происходит, девушки пытались нарисовать картину, как «это» будет происходить у них и опять с визгом смеялись, держась за животы.

Однажды подружки стали не вольными свидетельницами сцены любовных отношений одного из старших братьев Васьки – тракториста, с приехавшей на практику, ветеринаршей.

В какое-то лето, накупавшись в ставке за деревней и обсохнув, не отправились домой, а зашли в старый колхозный склад, где с давних времён, хранились холщёвые и сетчатые мешки для картошки, а с развалом колхоза, оставшиеся ни

кому не нужными. Вот там, на самом верху, под крышей, у них было гнёздышко, где они отдыхали от жары после купания.

Отдыхая однажды в гнёздышке, подружки услышали весёлый смех молодых людей и тут же в склад вбежали, смеясь, Васькин брат Гриша и практикантка-ветеринарша с фермы, оставшейся от колхоза. Они весело смеялись, таская друг друга за руки. Она пыталась вырваться, но была притянута сильной Гришкиной рукой и прижата к его груди.

Девушки из-за бугорков мешкотары, видели, как уста молодых людей слились в долгом, страстном поцелуе. Они испугались и чуть не выпрыгнули из гнёздышка, но целующиеся, в порыве страсти стали снимать друг с друга верхние одежды и бросать тут же, на мешки вниз.

Две подружки, испугавшись и закрыв рты ладонками, уткнулись лицами в мешки. Ольга, с другой подругой, оказавшись смелей, в полглаза, из-за пачек мешков, наблюдали происходящий процесс, так же прикрыв рты ладонями, чтоб не вскрикнуть, или громко не вздохнуть. Когда оба оказались полуголые, и третья подружка Ольги нырнула головой вниз, и расширенными глазами смотрела на смелую подругу, завороченно не отводившую взгляда от происходящего. И только лишь, когда Гришка осторожно положил девушку на спину и засверкал своими ягодицами, Ольга в шоке тоже опустилась в низ. А оттуда, ещё ниже, доносились только стоны и вздохи страсти.

Подружки лежали, затаившись, не живы – не мертвы, и от стыда и страха бледные, не глядя в глаза, друг дружке. В таком состоянии и не заметили, как внизу стихло.

Полежав ещё немного и не услышав снизу ни шороха, потихоньку стали выглядывать. Первой, как всегда, пришла в себя Ольга. Выглянув из-за пачки мешков и не обнаружив там никого, откинулась на спину и, наконец-то выдохнула полную грудь воздуха. За ней зашевелились подружки.

– Никого? – шёпотом спросила, всё ещё бледная, светловолосая Верка, та, что предпоследней убрала взор свой от происходящего.

– Никого, – кивнула головой Ольга. – Вылазьте.

– Ты всё... видела? – спросила другая светловолосая девушка, с виду младше других. Это только с виду. Из-за меньшего ростика, а на самом деле была на полгода старше двоих и на год старше тёмноволосой Галки, пухлой девушки, продолжавшей лежать на боку в самом низу гнёздышка. Всем подружкам было по пятнадцать – шестнадцать лет.

– Вылазь, Галка, – улыбаясь, позвала Ольга. – Всё, никого.

– Ты видела всё? – опять спросила Светка, не отводя восхищённого взгляда от подруги, как будто именно она была героиней события.

– Ага! – негромко ответила Ольга. – Гришкин голый зад, – расплывшись в широкой улыбке и рассмеявшись, пояснила девушка. Подруги ответили на слова девушки заразительным смехом.

– А чего они стонали? – сквозь смех спросила отошедшая от оцепенения Галка.

– Вот, дуры были! – сейчас идя по изъязвлённой белыми латками гравия, дороге, вслух произнесла женщина, опять споткнулась о камень и испугалась своего голоса в тишине безлюдной улицы, не вольно оглянувшись назад. «Дуры, то дуры, а Васька взял в жёны Галку, уже двоих детей ему родила. Верка, где-то в городе, в служанках в богатом доме. Шурка окончила ветеринарный техникум в городе и вернулась в деревню, работать на ферме, но вскоре родила. Оказалось, успела забеременеть перед выпуском и теперь сама растит ребёнка».

Ольга шла и вспоминала своих подруг: «Родила и не отказалась..., как я, – тяжело вздохнула женщина. – И ни кто её не выгнал и не убил. А я? – она ухмыльнулась, – испугалась родителей».

Рассуждая и бредя по утреннему городу, ноги сами довели её до дома подруги, где не раз Ольга находила пристанище при очередном разладе с мужем, а ещё до него, коротая вдвоём одиночество.

Саша – Александра, всегда была рада подруге. Оставшись одна в двухкомнатной квартире, после смерти мамы, больше двух лет назад, позвала пожить с ней подругу Ольгу, которую, настырно администрация выгоняла из общежития, как порвавшую связь с фабрикой. Олю долго уговаривать не надо было, и стали они жить вместе. Но, вот, два года на-

зад, квартирантка вышла замуж и ушла к Ваське. И осталась Александра опять одна.

Не смотря на свои тридцать лет и не дурную внешность, замуж выйти, не получалось. То достойного не было, то женатые попадались, набивались на одну ночь или предлагали быть любовницей. Таких Саша отфутболивала сразу. Хотелось полноценной семьи: с детьми, с мужем, со стирками им ползунков, трусов, носков, готовкой каш, борщей. Всего того, что так отвергают многие «эмансипированные».

Ольга знала все проблемы подруги. И, даже то, что после двух ранних аборт у Саши были осложнения, и она могла не выносить ребёнка, что и явилось однажды причиной её не замужества. Жених, с которым Сашка жила больше года, узнал, что у подруги может не быть детей, вместо предложения заняться лечением, «ушёл по-английски». При встрече обе делились своими болячками, и становилось легче.

И Ольга не скрыла от подруги свою беду – оставленного в роддоме ребёнка. Обе плакали, рассуждая с высоты прожитых лет об ошибках молодости. Но, что было – уже не веротишь, а жить надо.

Однажды Александра посоветовала:

– Оль, а что, если найти ребёнка и через суд вернуть его? Ты ведь работаешь, прокормишь?

– Узнавала. Не отдадут. Надо замужем быть и квартиру иметь.

И, вот, когда всё-таки Ольга вышла замуж и квартира бы-

ла, при разговоре о ребёнке, у Васьки проявлялся «озверин»:
– И не думай! Ни каких детей! – взрывался он. – Пока, – добавлял он, видя реакцию жены на свой ответ. Так, что не дай Бог, завести при нём разговор об отказном.

В свою очередь, Ольга советовала подруге:

– Саш, давай лечись. Я буду работать и помогу тебе деньгами. – На что та в отчаянии отвечала:

– Ты не представляешь, какие деньги на это нужны!? Без мужа олигарха, здесь проблему не решить.

Так и остались подружки, каждая со своим горем.

Постучав в дверь Сашиной квартиры, звонок, как всегда, не работал, Ольга дёрнула за ручку двери, та не поддавалась. Постучала раз, потом ещё раз: «На работу, вроде рано», – тихо произнесла нежданная гостья и только собралась уходить, как дверь распахнулась и из неё показалась заспанная подруга в накинutom халате, придерживаемом рукой.

– Ты? – Удивилась хозяйка. – Так рано? Что случилось? – Но, увидев измученное лицо безмолвной подруги, Александра протянула правую руку, выскользнувшую из распахнутого халата, низ которого на уровне пояса сжимала левая рука и, взяв гостью за локоть левой руки, потянула за собой в прихожую, скользя взглядом по площадке, не видит ли кто её такую. Упавший с правого плеча халат, держался

на левом, а вместе с рукой, из-под него высвободилась и правая грудь, красивая, пикантно слегка свисавшая. – Заходи, подруга, – ещё не совсем проснувшимся голосом, пригласила Саша. – Чё, как не родная? Проходи, – сильнее потянула остановившуюся в дверях подругу, хозяйка, закрывая за гостьей дверь, пошла следом.

– Сашка, прости..., так рано... Ты не одна? – Почти бесвязно, извиняющимся тоном заговорила гостья. Проходя, Оля посмотрела, что дверь спальни прикрыта, всё поняла и повернула в кухню. Тяжело опустившись на стул у стола, облокотилась на стол, а голову с прикрытыми глазами подперла правой рукой. Следом вошла хозяйка, уже надев халат в рукава и подвязав пояс, присела на стул напротив подруги.

– Что, опять Васька чудит? – тихо спросила Александра. Ольга, ничего не говоря, только слегка кивнула головой. – Опять лез драться?

– У-у, – мотнула «нет» головой гостья. – Хуже.

– Ну, если трудно, не говори, – согласилась подруга. – Не будем беречь душу. Хочешь спать? – Ольга кивнула головой, не открывая глаз. – Я постелю тебе в зале, раздевайся. Можешь сходить в ванную, полотенце и халат там. – Саша встала и вышла из кухни.

И ещё раз, приняв ванну, из-за не покидавшего чувства брезгливой грязи, ночного бедлама, посвежев и телом, и лицом, запахнутая в халат Ольга, со своими вещами под мыш-

кой, еле слышно шурша мягкими тапочками по полу, проскользнула в зал, где подруга уже постелила для неё постель на половинке дивана, не раскладывая его, и прикрыла за собой дверь.

Через некоторое время, Александра, проводив своего друга, подошла к закрытой двери зала и услышала еле доносившиеся всхлипы. Резко открыв дверь и подскочив к дивану, на котором, накрывшись с головой, навзрыд плакала подруга. Сдвинув одеяло с головы Ольги, хозяйка стала утешать её:

– Оля, Оленька, милая, что случилось? – Подруга, уткнувшись в подушку, навзрыд плакала. Её плечи вздрагивали, а, чтоб никто не слышал, её кулачок, сжавши носовой платочек, уткнулся в мокрый рот, белые зубы въелись в костяшки среднего пальца, так, что палец был уже синим. – Оля, Оленька, – тормошила подругу Саша, – очнись, успокойся. Что случилось? Так нельзя надрываться. – Саша выпрямилась и вышла из комнаты. Через мгновение вернулась с кружкой в руке и, став на колени, протянула к ротику подруги: – Ну-ка, вставай, – женщина потянула подругу за локоть, но та, обессиленная от рыданий, не сдвинулась. – Вставай, ну же, – потянув сильнее за локоть, повернула плачущую подругу на бок. – На, попей водички, полегчает, – придвинула кружку ближе и коснулась губ. Зубы Оли застучали о край кружки, но вода в рот почти не попала. Тогда Александра, придерживав своей ладонью со стороны затылка, приподняла

голову подруги и опять придвинула кружку ко рту. Оля, стуча зубами о край кружки, сделала два глотка, но вода снова пролилась по дрожащему подбородку на грудь и простыню.

Промокнув платочком подбородок, Оля высунула ноги из-под одеяла и спустила их на пол. Сама взяла у подруги кружку с водой и спокойней отпила несколько глоточков. Протягивая подруге кружку, дрожащей рукой с платочком, вытерла мокрые глаза и щёки. Саша, прикрыв подругу покрывалом и подоткнув края под её спину и ноги, сама села рядом, обняв девушку за плечи и прижав к себе. Оля, прижавшись к подруге, склонила свою голову ей на плечо. Так сидели некоторое время молча. Ни Саше не хотелось вопросами делать больно подруге, ни Ольге не хотелось ворошить свою раненую душу. Но продолжаться так долго не могло, Саше нужно уходить на работу и она первой заговорила:

– Ты отдохай, а я пойду на работу, – тихо сказала хозяйка. – Еду найдёшь в холодильнике. Ты как с работой?...

– В ночь... – коротко ответила Оля.

– Оставайся, а я пойду. – Александра встала, улыбнувшись подруге, и вышла из комнаты. Через некоторое время из прихожей послышался звук открываемой и сразу закрывшейся двери. Подруга ушла, и Оля осталась одна, со своими мыслями, переживаниями, вопросами самой себе, одним из которых был вопрос «Ну, почему?», на который весь прошлый год, не могла ответить.

«Ну, почему у меня всё так не складно получается в жиз-

ни? Хотела свободы, самостоятельности, весёлой жизни, а получила...» – Ольга вновь уткнулась в подушку, свалившись на бок.

3

Мысль о поиске и возврате ребёнка всё чаще стала возникать в голове Ольги. Она решила, оправившись от сегодняшнего состояния и сознавая, что совместная жизнь с таким мужем долго продолжаться не может, используя положение замужней, заняться поисками сына и любым путём вернуть его. Обратилась к заведующему родильным отделением, где пять лет назад родила ребёнка и совершила против него преступление.

– Во-первых, – узнав суть обращения, сухо ответил доктор, – я вас пытался отговорить от преступного по отношению к ребёнку, поступка, вы категорично настаивали на своём. Во-вторых, не я, а больница передала малыша в Дом малютки и дальнейшую судьбу его, увы, – доктор пожал плечами, – я не знаю.

– Хотябы, скажите, где находится этот дом малютки? – чуть не плача взмолилась женщина.

– Пожалуйста. У нас он один, на Подлесной, за парком культуры.

– Спасибо, – поблагодарила Ольга, и не будучи приглашённой присесть, как стояла у двери, лишь повернулась и вышла из кабинета под пожелание доктора:

– Всего хорошего.

Начались мытарства по поискам сначала дома малютки, числящегося по улице Подлесной, а на самом деле расположенного за дворами частных домов и примыкавшего к ограждению парка культуры. И лишь не широкий, малоприметный переулок вёл от улицы к двухэтажному, не большому по величине, зданию, удачно расположенному, подальше от шумных городских улиц.

Встретившись с заведующей Домом малютки, Оля, как могла, старалась убедительно рассказать, с виду добродушной женщине о своих намерениях, надеясь на понимание и поддержку как женщины. Но та, выслушав внимательно, как обухом по голове, выпалила:

– Вы что, думаете, я в состоянии упомнить всё, что было с распределением детишек за прошедшие четыре года?

– Ну, я вас очень прошу, – стараясь разжалобить директоршу, со слезами на глазах, настаивала девушка. – Его ведь могли отдать в детдом, я буду искать его, ему там плохо, – как могла, убеждала чиновницу Оля.

– Не надо пытаться разжалобить меня своими слезами, – жёстко отреагировала директорша на плач посетительницы. – Сначала ложитесь, под кого попало без предохранения, потом делаете детей моральным калеками на всю жизнь. – Сидевшая девушка не притворно, навзрыд рыдала, представив своего малыша всевозможным калеккой. – И вообще, при передаче детишек, их личные дела идут вместе с ними, у ме-

ня сведений не остаётся. – Но повернувшись к шкафу и проведя рукой по папкам, стоявшим рядком на полке, женщина вынула одну из них и стала листать страницы. Задержавшись на одной, затем через несколько страниц на другой, посмотрела из-под очков на плачущую молодую женщину. – В ту осень трое детишек были распределены на усыновление. Двое из них по имени Олег. Один, вероятно по возрасту не подходит. А вот другой, Олег, если это тот, о котором вы говорите, пробыл у нас около года, затем был усыновлён, почти четыре года тому назад, достойными родителями.

– Кто они? Где живут? – оживилась гостья, надеясь, что вот, сейчас, наконец-то, дело стронется с места, но тучная женщина принялась отговаривать измученную ожиданием Ольгу.

– Неужели вы не понимаете, что у ребёнка есть родители и они привыкли друг к другу и жить друг без друга не могут? Пятилетний ребёнок знает своих настоящих родителей. Возможно, он болел, или не совсем здоров и родители потратили на него массу... – пожилая женщина убедительно смотрела на молодую женщину, пытавшуюся, что-то произнести, – нет, не денег, а... нервов, жизни, чтоб выходить его. И, поэтому, пережив с ним все невзгоды, он стал ещё родней папе и маме. А вы сейчас предъявите требования на этого ребёнка. Это бесчеловечно.

– Но, он мой! Я его родила! – убитая горем Ольга из последних сил пыталась убедить женщину.

– Но, вы извините, вы... предали его.

– Я же хочу исправить свою ошибку. Дайте, пожалуйста, их адрес.

– У нас таких сведений нет. Все сведения в комиссии по делам несовершеннолетних при городской администрации.

Попав на приём к должностному лицу, от которого она могла выйти почти счастливой, Ольга и тут постаралась, как можно убедительнее рассказать цель своей просьбы. Но, чиновница, безразличным тоном, категорично заявила:

– Никаких адресов мы не даём. И вас предупреждаю, вы не имеете ни какого права мешать людям, растить ребёнка. Вы ему ни кто.

«Вы ему ни кто! ...ни кто! ... ни кто!» – молотом стучали в голове слова чиновницы.

Ольга решила пойти к юристу, проконсультироваться, что можно сделать. Но, и здесь, как она почувствовала, не встретила понимания. Юрист, так же, начал убежать в её не правоте.

– Вы добровольно отказались от собственного ребёнка, подписав собственноручно заявление об отказе от ребёнка. Его, в трудную для него минуту, законным путём, усыновили другие люди. Они его вырастили, стали ему настоящими родителями. А вы хотите предъявить им свои права на ребёнка. Тем самым нанесёте родителям малыша не заслуженную моральную травму. Они ведь, вам ничего плохого не сдела-

ли, и даже не знают вас, но, приложили не мало усилий, чтоб исправить вашу ошибку в отношении ребёнка. А какие у вас права на этого ребёнка? Никаких! Поверьте, законного основания, лишать их родительских прав, нет. Этот вопрос в компетенции суда, а суд взвесит все за и против. Чем вы будете аргументировать? Родили? Но вы, повторюсь, отказались от сына. Они его законно усыновили, вырастили и воспитали. А вы на готовое претендуете.

– Но, ведь я хочу исправить допущенную ошибку. Все люди, когданибудь, ошибаются, – из последних сил пыталась оправдаться женщина. – Я хочу, чтоб у моего ребёнка была родная мама, чтоб он был счастлив с родной мамой!

– А как тогда объяснить малышу, кто те люди, с которыми он жил и вырос и которых он любит? Как малышу объяснить, что он не должен с ними жить, а должен жить с тётёй, которая его предала и которую он не знает?

– Я ему объясню.

– А он ребёнок! Он не поймёт ваших объяснений. Он будет плакать за мамой и папой. Что вы будете делать?

– Я мама, найду... – Ольга хотела чем-то убедительней аргументировать, но, не нашла слов.

– Одного, проснувшегося материнского инстинкта и желания заботиться о малыше, мало. Его нужно одевать, кормить, обучать, дать достойное образование. Подумайте, сможете ли вы с вашей зарплатой и в ваших условиях, обеспечить его? Конечно, вам ни кто не может запретить искать сы-

на, но совершать какие либо действия вопреки закону, уголовно наказуемо.

Слова юриста, Ольга дослушала с трудом и чуть ли не в полуобморочном состоянии. Не таких слов она ждала, когда шла сюда. Последние звучали глухо, как будто удалялись. Женщина молча встала и, не прощаясь, и не вполне себя контролируя, вышла из кабинета.

«Ну почему...? Ну почему они меня не понимают? Почему не хотят мне помочь? Зачем мне дальше жить? Для кого? Где мне найти правду?

Ольга брела по улице, не осознавая куда. Прямо, ...куда ноги шли. Глаза, залитые слезами, ничего не видели и не различали. Встречные люди, не обращая внимания и не реагируя, машинально расступались перед медленно бредущей женщиной. Все были заняты своими проблемами: кто спешил после работы домой, кто в магазины, кто по иным делам. И нет им дела до того, кто был рядом и испытывал горе, был несчастен до крайности. Зачем им думать о ком-то? У них свои не разрешённые проблемы. Кто подумает о них? Мало ли плачущих вокруг? Кого с работы уволили, кто с родными поругался, кого любимый бросил, кто об утере плачет. Да мало ли ещё проблем, над которыми женщина плачет?

Бредёт Ольга, не чувствуя ног под собой, словно плывёт, не весомая, бесчувственная. И так бы брела, да на улице стало темнеть. На столбах зажглись фонари. Сознание посте-

пенно стало возвращаться. Женщина промокнула носовым платочком мокрые щёки и глаза, и, увидев около клумбы, перед которой остановилась, скамейку, присела, чтоб отдышаться, сориентироваться, где она. С первого осознанного взгляда не узнала места, где оказалась.

Осмотревшись по сторонам, Ольга узнала – это была её фабрика, только она оказалась с другой стороны, у проходной, через которую никогда не проходила. Но, фабрика была в центре города, и многие дороги отходили от неё как лучи.

Находясь несколько в тени дерева, на скамейке, Ольга немного успокоилась и пришла в себя, стала осознавать произошедшее с ней.

В течение пяти лет, от родителей, своё преступление удалось утаить, а от себя – нет. Осознание того, что натворила, постигало её постепенно. Приезжая в деревню, видела своих подруг с детишками. Родители раньше задавали вопрос: «Замуж скоро?», а когда вышла замуж – «когда будешь рожать ребёнка?». – «Что я могла сказать им? Что муж помешался на сексе и я у него как резиновая кукла? Он даже ни разу, не поехал со мной в деревню! Они видели его только на свадьбе», – приходя окончательно в себя, рассуждала Ольга. – «Как мне быть? Где искать правду?»

«Правда. А что есть „правда“ в такой ситуации? То, что я, выносив под своим сердцем и родив на свет человека, струсилась и, воспользовавшись его не смыслённостью, отказалась от него, хотела дальше беззаботной жизни?! Или, то, что

у этого малыша складывается другая, не связанная со мной, жизнь?! А если бы он жил в Доме Малютки? Я же видела, там малыши плачут, а няньки, как глухие, не обращают на них внимания, и он бы так же плакал, желая прижаться к маме, а мамы нет, и ни кому он не нужен до очередного кормления. А потом бы, сдали его для дальнейшего проживания в Детский дом, а потом – в интернат! А там...? Страшно подумать, что бы из него получилось. Моя правда в том, что я осознала, что я натворила, и я хочу вернуть моего сына, а ни кто, кто хоть как-то связан с этим, мне помочь не хочет, не понимают меня. Я уткнулась в какую-то глухую стену. Ничего не могу сделать, не могу добиться правды. Правды... А может, действительно, есть другая правда? Та, о которой говорила заведующая Домом Малютки? Да и, юрист тоже. Может, действительно, те люди его вырастили, воспитали, одели...? А, что бы я смогла ему дать? Где бы он был, когда я по обществу скиталась, или на гулянках тусовалась? А они...?» – При мысли о чужих людях с её ребёнком, и, что она, возможно никогда не увидит сына, на глаза вновь наворачивались слёзы.

Промокнув глаза, женщина продолжала сидеть. Домой не хотелось идти. Да и, можно ли назвать это своим домом? Так, пристанище для отбывания времени после работы.

Две недели после бедлама устроенного мужем, скрывалась у Саши. Подруга была не против, но Ольга и сама понимала, что так долго продолжаться не может. Александре

тоже нужна личная жизнь, тем более что у неё налаживают-ся отношения с Андреем и дело, вроде бы идёт к свадьбе. А тут ещё, у проходной, стал появляться муж и подкараули-вать Ольгу с работы. Упрашивал вернуться домой, просил прощения, умолял, обещал, что такого больше не повторит-ся.

Ольга всё равно, решила не говорить ему о ребёнке. И во-обще, решила, как найдёт своего Олежку, будет добивать-ся его возврата, а, добившись, она не на минуту в этом не сомневалась, уедет в другой город и с мужем разведётся. «Не резиновая же я баба, – рассуждала Ольга, – мне двадцать пять... А кто я?»

Ольга вернулась домой поздно вечером. Муж, как всегда, сидел на диване перед телевизором, с бутылкой пива и кус-ком, почти доеденной варёной колбасы, не порезанной акку-ратными пластиками, как пыталась приучить его жена, а по-рубленной ножом на бесформенные шматки.

– Ну, что, не можешь порезать аккуратно, – спросила Оль-га, проходя мимо журнального столика, на котором, на бу-маге валялось несколько кусочков колбасы, и стояла литро-вая, из тёмного пластика, бутылка пива.

– Ни чё, сойдёт и так, – не отрывая взгляда от телевизора, где по экрану мельтешили футболисты, бегая за летающим

по полю, мячом.

Пройдя в спальню и через некоторое время, проходя в кухню, сказала мужу:

– Сейчас ужин сделаю, поужинаем, будем убираться в квартире. Запустили... свинарник... – доносились из кухни слова жены. Но до слуха мужчины они не дошли, были заглушены возгласом болельщиков на острый момент у ворот команды, за которую он болеет. – Ты слышишь? – Спросила женщина, входя в комнату с тарелочкой, на которой парила гречневая каша с котлетой, подогретые в микроволновке.

– Нет. Что? – Не отрывая взгляда от экрана, переспросил мужчина.

– Говорю, поужинаем, и будем убираться, – повторила женщина свои слова, ставя тарелку перед мужем на столик.

– Убирайся. Мне и так хорошо.

– Я вокруг тебя буду с тряпками и вениками крутиться, а ты...

– Не крутись, я тебя не заставляю, – не довольнo пробурчал Василий, бросив взгляд на жену, мешающую смотреть футбол.

– Родители придут, а у нас свинарник... Стыдно.

– Придут и уйдут, что с того? – еле слышно пробурчал молодой человек, но его слова утонули в новом всплеске эмоций на экране, а жена выходила из комнаты и вряд ли слышала.

Ольга присела к столу и в одиночестве, без аппетита,

но знала, что нужно, что-то в желудок положить, так как целый день не кушала, заглотила пару ложек гречки и кусочек котлеты. Еда не лезла в горло, и чтоб не мучится, она отложила тарелку в сторону и стала медленно, глотками, пить чай.

– Ты чай будешь? – выглядывая из-за двери, спросила мужа. Но в ответ тишина, весь взор мужа на экран. – Захочешь, нальёшь сам, – безразличным тоном, больше сама для себя, спокойно сказала женщина и, войдя в кухню, устало села на стул. В голове, как в магнитофоне, прокрутилось всё, что произошло с ней за день: и укороченный рабочий день, из-за отсутствия сырья, а отсюда и мизерная зарплата. – «Как жить? На что жить? Если бы не те продукты, что привезла на себе из деревни от родителей, то сидели бы без куска хлеба. Его старики-пенсионеры, сами еле-еле концы сводят на свою пенсию. С него работяга..., день работает, два нет. Зарплату задерживают, а когда дают, то по частям. А тут ещё, эти, бюрократы...».

Столкнувшись со всеми препонами на своём пути, и потеряв надежду найти сына, Ольга вошла в отчаяние, её охватила тихая истерика: «Всё, я больше не знаю, что делать, где искать? Ни кто не говорит где мой Олежка. Все против меня! Зачем мне такая жизнь? Всё, больше не хочу!» – Слёзы самопроизвольно катились из глаз убитой горем женщины. Охватившее отчаяние, не то осознанно, не то инстинктивно, потянуло её руки к шкафчику с медикаментами, где в пластиковом пузырьке были таблетки, купленные от бессонницы,

мучившей женщину последнее время. Не видя от слёз, но, нащупав пальцами пузырьёк, Ольга извлекла его и вернулась на место. Ей хотелось, чтоб быстрее всё кончилось, быстрее избавиться от всех, захлестнувших её проблем. Дрожащими руками открутила крышечку с пузырька и, перевернув его, высыпала на ладонь оставшиеся таблетки. Не останавливаясь, чтоб не испугаться и не передумать, резким движением ладони опрокинула их в рот и стала запивать оставшимся чаем и, разжёвывая, глотать содержимое. Слёзы и отчаяние притупили сознание, и женщина обмякла, расслабившись и опустив обессиленные руки вдоль тела. Под столом послышался стук упавшего пузырька об пол. Из зала продолжали доноситься крики, кричалки и всевозможные звуки пиццалок болельщиков. Для увлечённого молодого человека, сейчас самое важное было, чтоб его команда продержалась оставшиеся семь минут и не дала забить в свои ворота коварный мяч, всё время вращавшийся на их половине поля.

Не виданное блаженство охватило тело Ольги, оно стало не весомым. Счастливая нега растекалась по жилам и кровеносным сосудам. Но в некоторых уголках ещё не отключенного мозга, продолжалось состояние тревоги оттого, что, произошло что-то не поправимое, потеря, утрата чего-то важного. Длилось такое состояние не долго, сменившись нараставшим ощущением блаженства от лёгкости в теле, от появления перед глазами радужных кругов, расплывавшихся в стороны, так, что глаза не успевали их сопровождать и в них

появлялись болезненные ощущения и лёгкая тошнота.

В центре круга зарождались с чёрной точки и по мере расширения, меняли цвета на небесные, серо-голубые. А точка, приближаясь, стала превращаться в длинный тоннель со светлой точкой в конце. По тоннелю плавно двигалось не весомое тело молодой женщины в белом, таком же невесомом, как свадебное, одеянии. Ольга узнала в женщине себя и тут же ощутила, что она уже в ней и невесомым, ослепительно белым ангелом, стремительно плывёт по этому тоннелю к светлому пятну в конце его. Но, чем ближе приближалась к пятну, тем темнее оно становилось, и в нём стали мелькать блики, походившие на язычки пламени. Снова тревога зародилась в сознании женщины. – «Если это солнце, то, как там ангелы находятся? Неужели не сгорают? А, может, так и должно быть? Может ангелы на солнце и обитают? Может солнце и блестит так, и греет всех теплом, потому, что там очень много ангелов? От того оно такое тёплое, ласковое, что населено праведными ангелами? Но..., если они праведные, а я, тогда как? Я разве праведная? Я же отказалась от ребёнка!»

Некогда светлое пятно, превратилось в сверкавшее заревом пространство, где в его глубине, бурлила каша из перекошенных не то болью, не то злобой лиц, голов, бесформенных тел, облизываемых языками пламени. К краям этой бурлящей геенны, тянулись тёмные полосы очередей из разных направлений пространства. Ольга с возвышения, у входа

в это пространство, видела, что некоторые очереди, ближние к ней, в начале своём, имели флаги: красные, звёздно-полосатые, зелёные, с черепом и скрещенными костями, дальше было не разглядеть. Очереди постоянно двигались, где передние пропадали в геенне огненной, а к задним концам очередей пристраивались всё новые и новые прибывавшие не ведомо откуда. Других выходов из тоннелей Ольга не видела, но очереди постоянно пополнялись.

Не смотря на ощущение лёгкой тревоги, Ольга не чувствовала страха перед предстоящим, что наблюдала в геенне. Не зная, в какую очередь пристроиться, ангел повёл взглядом по сторонам, решая, куда ему приткнуться. Но, откуда не возьмись, Ольга не заметила, откуда, появился другой ангел, такой же воздушный, как она и заговорил, таким знакомым, добрым голосом:

– Ты, что внученька, так рано пришла? – Ольга с радостью узнала этот голос. Это родной её дедушка. Но он же умер, когда ей было десять лет, и которого очень любили внуки. Когда он сильно болел, все знали, что он скоро умрёт. И он знал, но улыбался и говорил: «Не плачьте, придёт каждому своё время, мы всё равно встретимся там», – и показывал крючковатым пальчиком вверх. Многочисленное племя внучат задирало голову туда, куда указывал дедушка, но ничего там не видели. И, вот, свиделись! Он здесь!

– Дедушка, – обрадовалась ангел и хотела побежать к нему, но, он поднял руку ладонью к ней и, ноги не застыли,

а тело повисло на одном месте.

– Не спеши, внученька, – остановил он порыв белого ангела взмахом руки, от которого тело и не сдвинулось с места. – Тебе ещё рано сюда. Ты не закончила своих дел там. Ты сделала беду и себе и своему сыну, ты должна исправить её.

– А как, дедушка? Меня ни кто не понимает, не хотят мне помогать найти моего Олежку. А, вдруг ему плохо...?

– А ты ищи. И поступи так, чтоб не делать его ещё больше несчастным. Там есть и хорошие люди. Иди! Вон, за тобой уже и пришли, – дедушка кивнул головой, куда-то за спину внучки.

Белая ангел оглянулась и увидела на выходе из тоннеля, не спускаясь к ней, стояла знакомая фигурка пожилой женщины, в которой она без труда узнала нянечку из родильного отделения, тётю Маню. Она стояла и махала рукой, манила к себе.

Сожалая, что не смогла обнять дедушку, но, повинаясь его воле, ангел-Оля, взмахнув невесомыми руками, приподнялась над клубами плавно плывущих облачков и, сама словно облачко, запарила, развеваясь белоснежными, как свадебная фата, одеждами. Подлетая к входу в тоннель, почувствовала, что тело тяжелеет, в висках, как молотом застучало, в переносице появилась нестерпимая боль.

– Тё-тя Ма-ня, – каким то не своим, чужим голосом произнесла ангел и опустилась у ног нянечки. Чтоб удержаться, Оля взяла старушку за руку, но почему-то не чувствовала её

тела, и... провалилась в тёмную бездну.

Глава 4

1

С окончанием футбольного матча и победой своей команды, Василий, счастливый, встал и, потягиваясь, побрёл в туалет, избавляться от последствий лишнего пива. Проходя мимо кухни, обратил внимание, что жена, прислонившись к стене и слегка оперевшись о стол, склонила голову: – «Спит», – подумал он.

Сходя в туалет, вышел и почему-то обратил внимание на валявшийся под столом пластиковый пузырёк из-под снотворных таблеток, которыми последнее время пользовалась его жена. Заподозрив неладное, Вася подошёл к жене и, увидел на губах какие-то тёмные выделения в виде пены и неестественный вид жены. Испугавшись своего предположения, отскочил к двери и трясущимися руками стал искать на тумбочке в прихожей телефон. Покрутив наборник, набрал «03» и, после ответа, дрожащим голосом сообщил:

– Ж-женщина от-травилась таблетками, снотворными. Адрес? С-советская, двадцать семь, ...девять. – Положил трубку, не аккуратно стукнув ей по корпусу телефона. Подойдя снова к двери кухни, боязливо заглянул в кухню, в надежде, что произошла ошибка и жена проснулась. Но, нет. Ольга продолжала сидеть, завалившись спиной на стену

и боком на стол. Отпрянув за дверь, молодой человек ушёл в комнату и прикрыл за собой дверь. — «Что делать? — нервно прохаживаясь по комнате, спрашивал себя бледный от страха Васька. — Да, своим позвонить», — он кинулся к телефону и набрал телефон родителей. Пока ждал ответа в трубке, нервно топтался у тумбочки и вдруг, в кухне послышалось шевеление. Бросив трубку, бросился на звук шороха, но жена была на месте, только обмякшее тело чуть больше завалилось на стол и подвинуло хлебницу.

За окном слышался вой сирены скорой помощи и через некоторое время в дверь позвонили, и, Василий кинулся в коридор отпирать входную дверь, раньше в состоянии шока, не догадался этого сделать.

Мужчина в белом халате, бесцеремонно проходя мимо хозяина, спросил:

— Ну, что у вас?

Следуя за первым врачом, хозяин только успел сказать:

— Там, в кухне..., — А врач уже и сам увидел сидящую в необычной позе женщину и проследовал к ней. Пощупал пульс на запястье, затем на сонной артерии.

— Есть..., очень слабый, — сказал он и, посмотрев на рот пострадавшей, сказал, обращаясь к сопровождавшей его женщине, так же в белом халате, — раствор для промывания желудка, быстрее. — А вы помогите мне, — врач бросил взгляд на молодого человека, — берите ниже таза и понесём на постель. — Сам взял подмышки и вдвоём с хозяином потащи-

ли бесчувственную женщину мимо суетящейся у кухонного гарнитура медсестры. В комнате, проходя к дивану, Василий, двигаясь задом, зацепил маленький столик с остатками своего ужина и бутылкой из-под пива, которая упала сначала на столик, а с него на пол. — Уберите стол, — распорядился врач, глянув на бледного хозяина, после того, как положили женщину на диван.

Василий дрожащими руками, подхватил столик и переставил его к окну и сам там же прижался.

— Несите тазик, — распорядился доктор, не глядя ни на кого. — Лена, где вы? — громко позвал медсестру. Она тут же появилась, неся в руках зонд для промывания желудка.

Василий, тихо крадучись, вышел из комнаты в прихожую и, взяв с тумбочки телефон, ушёл с ним в спальню. Оттуда донёсся его испуганный голос, он звонил своим родителям и «ангельским голоском» сообщил о случившемся.

По счастливой случайности, или из-за крепкого организма, или же из-за того, что вовремя спохватился муж, бригада скорой помощи, проведя первоочередные мероприятия по интоксикации пострадавшей, быстро подготовила её к транспортировке в больничный комплекс. Поместив больную в реанимационное отделение, и экстренно проведя комплекс реанимационных мероприятий, медицинская бригада,

во главе с заведующим, сделала всё возможное, чтоб сохранить жизнь женщине, а все остальное, по словам врача, зависит от молодого организма.

Бросив все сумки с привезёнными гостинцами и продуктами в коридоре, Раиса Васильевна не вошла, а ворвалась в палату, на которую указал Василий и сразу к кровати, где плашмя, под белым покрывалом до плеч, лежала её доченька, бледная как полотно. Пытавшаяся задержать её дежурная медсестра, отлетела в сторону от одного только движения влетевшей не весть откуда женщины.

– Оля! Доченька! – женщина кинулась к постели, где с ужасным, трагичным видом, на подушке, выделялось бледно-жёлтое лицо её дочери. – Что ты наделала? – её пыталась остановить всё та же дежурная медсестра, схватив за предплечье, но не смогла удержать и мать, свалившись на колени перед кроватью, прильнула к руке дочери, безжизненно протянутой вдоль тела. Захлёбывающиеся рыдания донеслись от кровати больной. На шум, в палату вошла врач и, увидев происходящее и попытку сестры задержать женщину, поняла, в чём дело, и, тихо сказала дежурной:

– Оставьте. Присмотрите, чтоб не были нарушены приборы, я пришлю замену, – после чего доктор вышла из палаты в которую, через приоткрытую дверь испуганно заглядывал Васька. Через некоторое время туда вошла девушка-медсестра, присланная доктором, подойдя к матери, подвинула

ближе стул и, приподняв её за плечи, молча, помогла сесть. Мама не выпуская руки дочери, тяжело опустилась на стул и тихо плакала. Достав из кармана пальто носовой платочек, промокнула им глаза и протёрла щёки и нос. Рядом увидела девушку в белом и спросила её: – Скажите, как она? Будет жить?

– На сколько я знаю, – как могла, убедительнее, чтоб успокоить мать, произнесла девушка, – всё страшное уже позади. А вы можете поговорить с лечащим врачом, она там, в ординаторской.

В бессознательном состоянии, Ольга провела двое суток, очнувшись на короткое время, но ни кого не узнавая, вновь впала в беспамятство. Молодой организм боролся, как мог, как будто, сознавая за саму девушку, что ей предстоит обязательно сделать ещё очень многое и умирать ей ни как нельзя.

К исходу третьих суток, больная стала бредить и звать кого-то. Сидевшая около неё мама, вызванная зятем, с трудом разобрала в произносимом, имя, «тётя Маня».

– Тётя Маня, ... тётя Маня, – шептала еле слышно больная.

Подошла лечащий врач, поинтересовалась состоянием больной:

– Ну, как она? – шёпотом спросила Раису Васильевну, маму Оли.

– Зовёт какую-то тётю Маню, – в полголоса ответила жен-

щина.

– Тётю Маню? – удивилась врач.

– Да, – кивнула головой Раиса Васильевна, с удивлением посмотрев на докторшу.

– Кого-то из родственников зовёт? – пытливо глядя на маму, спросила врач.

– Нет, – отрицательно покачала головой мама. – У нас нет тёти Мани.

– Может, на квартире, где жила, или соседи?

– Не знаю..., – горестно глядя на дочь, покачала головой женщина, продолжая сидеть на стуле у изголовья больной и держа её за руку одной своей рукой, а пальцами другой, гладила по холодной руке дочери. – Горемыка ты моя, – приговаривала женщина, с любовью и страданием глядя в лицо дочери. Раиса Васильевна почувствовала, как слабые пальцы дочери шевельнулись и пытались сжать её руку, а слабые уста, снова прошептали «тётя Маня».

Окончившая смотреть показания приборов врач, тоже слышала еле уловимый шёпот больной.

– Опять зовёт? – спросила она.

Мама только покивала головой, не отводя взгляда от своей горемыки.

– Вы бы пошли, отдохнули, медсестра посмотрит, – услышала Раиса Васильевна над головой, тихий голос врача. Женщина приподняла голову, увидела сестру и, положив руку дочери на кровать, прикрыла её одеялом, сама медлен-

но встала, придерживаясь за спинку кровати, и вышла из-за стула.

Только сегодня Раиса Васильевна смогла немного успокоиться и осознать, что самое страшное прошло, её дочь останется живой. А, что там произошло у них с мужем, или ещё где, из-за чего её доченька хотела наложить руки на себя, она ещё разберётся.

«Я знала, – думала про себя женщина, – я чувствовала, непутёвый он, раз Оленька до сих пор не родила ребёночка. Хотел бы он дитё, баба уже б родила. Ну, доберусь я до тебя, зятёк, погоди. И за два дня так и не пришёл, не проведаль жену. Чтож это за муж такой? – Раиса Васильевна медленно шла по коридору отделения, разминая затёкшие ноги. – Сваговья старые, и те приходят каждый день, а он носа не кажет. Знать вину чует, шельмец».

Последнее время она сама стала жаловаться на здоровье, стали отекают ноги, часто стало колотиться сердце, появилась одышка.

Не лёгкая судьба женщины на деревне: мало родить, даже пятерых, надо вырастить, выкормить их, одеть. А, манна с небес не падает, надо заработать. Хотя и муж – защита, стена, опора, а и он не двуличный. С утра до ночи пашет, косит, убирает, да ещё и в своём хозяйстве справляется. Не стало колхозу, не стало и постоянной работы. Хорошо, хоть, пока растаскивали колхоз по своим дворам, он успел ломаный

тракторишко «прихватизировать», а то, при той «приватизации», достались бы ломаные лопаты, как другим, кто кричал на собрании: «Не хотим капиталзъму, хотим оставаться в колхозе, чтоб усё обчее было». И, дождались, когда всё, что было хорошее, «прихватизировали» правление колхоза и те, кто к ним ближе были, а неугодя – земли и ломаную механизацию – бери, кто хочет. Кто не хотел, не получил вообще ничего и теперь ездят на заработки по городам да чужбинам.

Хорошо, хоть кто-то не дал растащить животноводческую ферму, ввели её в какой-то комплекс и сейчас там десяток сельчан держатся за коровьи хвосты, зато какая-никакая работа, зарплата.

Кто ничего не «прихватизировал» и ни куда не поехал на заработки, в селе пропивают последние хозяйские грабли, пьянчужками стали. «А, ить, не было такого при Советской-то власти! Пили, да работали».

Муж Раисы Васильевны, Алексей Игнатьевич, мужик работающий. Хоть и не был при правлении колхоза и не приватизировал лучшие земли, исправную технику, а ухитрился получить неисправный трактор на больших колёсах – «К-семьсот», как в колхозе его звали. Собрал к нему, бывшее неисправным навесное оборудование: плуги, культиваторы, бороны, валявшиеся на заднем дворе мехотделения. Там же подобрал и притащил трактором в свой двор старый комбайн, лет пять стоявший на приколе и используемый на запчасти для других комбайнов. Длинными зимами, ремонти-

ровал, восстанавливал технику, а с весны дома почти не бывал, нанимался пахать, сеять и убирать урожай для новоиспечённых фермеров в других сёлах. Успевал приготовить корма и для своей скотины, для своего двора. Но всё лето работа по двору и дому лежала на жене, его Рае и, старших детях. Их у Алексея пятеро. Четверо ещё при советах родились, а младшенькая, уже при новой то власти.

Вот и вырастили с матерью себе помощников: два сына и старшая дочь, уже свои семьи имеют, детки-внучата подрастают. Дочка у мужа живёт, а сыновья строятся: летом зарабатывают, где с отцом, а где и сами находят доходную работу. Все в отца, работающие. Да, как иначе? В большой семье росли, где старшие завсегда водились с младшими, пока мамка с папкой на колхоз работали. Вот и средняя дочка вышла замуж. Правда, пошла искать своё счастье в городе. Как будто, там её кто-то ждёт с готовой квартирой, с работой. Городским самим работы не хватает. У кого ни денег, ни специальности, перебиваются случайными заработками. Там тоже надо иметь способности и хватку, чтоб удержаться в той жизни. А у Ольги, кроме школы и опыта домашней работы, ничего нет. Как она на жизнь зарабатывает? Что ест, пьёт? Если старшие рядом, родители видят. Хорошо ли, плохо ли живут, родители не дадут пропасть. Да и младшая на выданье, семнадцать уже. С матерью вдвоём с хозяйством управляются, как средняя, из дома не спешит, наслышалась о её мытарствах.

Оля далеко. Родители не видят, но слышат, как живёт их дочь, сердцем чувствуют, когда ей плохо. Как сейчас: только отец приехал с соседнего села, где закончил пахоту, мать за-собиралась к дочери в город, от той месяц не слуху, не духу. Собрался Алексей Игнатьевич отвезти жену на вокзал в район, а с почты срочную телеграмму принесли: «Срочно приезжайте Ольга в больнице». Всё уже было собрано и Рая только села в их старенький «Запорожец», как машина, взревев мотором, с места понеслась по ухабам разбитой деревенской улицы, а затем грунтовой дорогой, до шоссе, пролежавшего в пяти километрах от села.

Пять часов добиралась мама поездом от райцентра до города. На вокзале встретил её зять и на такси привёз в больницу, где всю ночь врачи боролись за жизнь её дочери. По пути с Васьки удалось вытянуть только, что Оля выпила много таблеток, снотворных. Больше ничего он не знал.

2

Окончательно пришла в себя Оля на четвёртый день. Всё это время мама почти не отлучалась от дочери, только на пару часов ложилась на кушетку в сестринской, где ей позволяли отдохнуть, видя, что силы покидают мать, и она дремлет над дочерью. Состояние напряжённости, в котором пребывала мама девушки все эти трое суток, вымотало её полностью. И не смотря на довольно, не хлипкий, деревенский, склад женщины, она заметно сдала. Очень тяжело матери видеть своего ребёнка в опасности, тем более, на волоске от смерти.

Последние два дня Раиса Васильевна пыталась понять, что толкнуло её доченьку на такой отчаянный шаг.

Она корила себя, что не удержала дочь около себя, в деревне. Ведь родила пятерых, всех вырастила, не один не погиб когда было труднее, а сейчас... – «Она оказалась одна, без материнской поддержки, без мужниной опоры...».

Первой заметила свекровь. Она подменяла на время у постели невестки, маму, пока та перекусывала тем, что принесла сватья. Заметила лёгкое подрагивание ресниц. Подумала, показалось, и опустила взгляд на худую руку невестки, но, что-то почувствовав, опять подняла глаза на лицо и ... – «Да, да, дрожат!» – радостно спохватилась свекровь.

– Ой! – Светлана Алексеевна сорвалась с места и выбежала из палаты в коридор, где сидя на стуле через силу жевала, доставая вилочкой из банки кусочки картошки, измученная, осунувшаяся мама Оли. – Рая, – замахала сватья рукой, – иди..., скорей..., проснулась. – И опять шмыгнула в дверь палаты.

Раиса Васильевна только успела поставить на соседний стул баночку, но не аккуратно и та упала на бок, и женщина побежала за сватьей. На шум у реанимационной палаты, от стола подняла голову дежурная сестра и, увидев суету в дверях палаты, пошла на шум. Подбежав к постели дочери, около которой уже стояла Света и показывала на невестку пальцем, Раиса Васильевна увидела полуоткрытые глаза дочери и дрожащие ресницы. Взгляд дочери был направлен

прямо, но с подходом матери к постели, взгляд опустился к ней.

– Ма-м-ма, – скорей не услышала, а догадалась мама по губам, это дочь узнала её.

– Доченька, – тихо выдохнула мама, наклоняясь и целуя дочь в щёки. На глазах почувствовала соль слезы и у самой глаза наполнились слезами, слезами горести и радости одновременно. Горести – потому, что её дочери пришлось пройти через такую беду, и радости потому, что дочка жива. – Доченька моя! Проснулась! Как ты перепугала нас!?

За спиной послышались шаги и голос лечащего врача:

– Попрошу всех выйти из палаты, – она подошла к приборам и аппаратуре за изголовьем больной. Отрегулировав некоторые и проверив капельницу, взглядом показала на последнюю, медсестре, а сама присела на стул около постели больной и вяла её запястье в руки. Нашупав пульс, притихла на мгновение и, положив руку обратно на постель, тихим голосом обратилась к больной:

– Ну, Ольга, как себя чувствуете? – Ольга повела слабый взгляд на женщину в белом. Попыталась что-то сказать, раздвинув губы, но слов слышно не было. Больная была ещё очень слаба, и разговаривать ей было трудно. – Ну, ничего, ничего, – доктор погладила больную по худенькой руке. – Главное, что вы вернулись на нашу грешную землю, – врач улыбнулась, встретив взгляд несчастной женщины. – Набирайтесь сил. Окрепнете, тогда и поговорим. – Доктор встала

и направилась к выходу, а по пути обращаясь к сестре, распорядилась: — Покормите больную слабым мясным бульоном. — Медсестра, в знак того, что поняла, кивнула головой, и доктор вышла из палаты.

— Рая, поди с Васькой домой, хочь к нам, хочь к ним, к детям. Оленька очнулась и уже хорошо. А к ней пока не пускают. Отдохни до утра, а я посижу. — Сватья, жалеючи, уговаривала почти бесчувственную Раису Васильевну, до сих пор державшуюся изо всех сил, но сейчас вдруг, с приходом в себя дочери, лишившуюся этих сил.

— Какой тут отдых? — еле слышно промолвила быстро постаревшая за эти дни женщина.

— Ты так долго не протянешь, — не переставала уговаривать её сватья. — И сама свалишься, не дай Господи. — Но та продолжала сидеть, не в силах встать и уйти.

Мимо женщин прошла работник кухни с не большим подносом покрытым салфеткой. Раиса Васильевна, как будто ожидала этого, подняла глаза на проходящую в белом женщину, входящую в палату к её дочери, встала и последовала за ней.

— Тётя Рая, — радостно обратилась сидевшая у постели больной, медсестра, — Олю можно покормить бульоном, и встала, забирая у вошедшей работницы кухни, поднос.

Раиса Васильевна тут же подошла к дочери и увидела её полуоткрытые глаза.

– Ну, как ты, доченька? – спросила мама, склоняясь над больной и пытаясь поцеловать дочку. Но не по росту узкий, больничный халат, одетый поверх своей одежды – коричневой кофточки и удлинённой тёмно-серой юбки, сковывал движения. Она с трудом дотянулась до щеки дочери и поцеловала.

– Хо-о-шо, – еле слышно прошептала больная и посмотрела в глаза маме. – Про-ости.

– Что, доченька? – Раиса Васильевна садилась на стул и не расслышала, что дочь сказала, а только увидела по шевелению губ. Но Оля только слабо помотала головой, ей было больно говорить. С другой стороны постели подошла медсестра.

– Тётя Рая, вы придержите Олю за плечи, а я приподниму изголовье, чтоб удобней было покормить. – Женщины сделали необходимые приготовления, усадили больную полулёжа, мама укрыла грудь до шеи домашним полотенцем и осторожно, держа чашку с бульоном около подбородка и поднося ложку ко рту дочери, стала кормить.

Три ночи прокоротав в полудрёмном состоянии, то на кушетке в сестринской комнате, то у постели дочери, вконец обессиленная Раиса Васильевна, всё-таки решилась сходить на одну ночь в дом к дочери помыться и поспать. А по пути

решила сходить на переговорный пункт заказать переговоры с родными в деревне.

Вечер прошёл как в тумане: почти без чувств вымылась в душе и только коснулась подушки головой, как тут же провалилась.

3

Окончательно Ольга пришла в себя и начала поправляться уже на следующий день. Молодой организм одолел последствия отчаянного шага, а укрепившаяся цель в дальнейшей жизни придала силы и состояние женщины пошло на поправку.

Отдохнув от переживаний и немного успокоившись, Раиса Васильевна поутру пришла в больницу и, войдя в палату к дочери, увидела, что та уже с открытыми глазами лежит на приподнятом изголовье, а сватья её кормит как ребёнка, беря из тарелочки ложкой молочную кашу и поднося ко рту невестки.

– Ну, как ты себя чувствуешь, доченька? – спросила мама, подходя к постели и присаживаясь в ногах.

– Здравствуй сватья. Во-от, она у нас уже кушает.

– Спасибо тебе Света, давай уже я сама.

– Всё, спасибо. Больше не хочу. – Всё ещё слабым голоском, но уже отчётливей произнесла девушка. Светлана Алексеевна убрала тарелочку и, промокнув подбородок больной полотенцем, которым были прикрыты её шея и грудь, собра-

ла его в комок и, встав, тихо вышла из палаты.

Ольга протянула слабую руку к маме и Раиса Васильевна подвинулась ближе, беря дочь за протянутую ладонь.

– Прости меня, мама, – медленно произнесла Ольга, глядя на маму полными слёз глазами.

– Всё хорошо, доченька. Не плачь, держись. Тебе нельзя волноваться. Главное – ты жива, а остальное всё образуется.

Девушка повернула голову на бок и слёзы покатались из уголков глаз через переносицу на подушку. Мама, продолжая удерживать одой рукой слабую ладонь дочери, достала из кармана своей юбки носовой платок и стала промакивать им глаза и нос девушки.

– Всё, всё будет хорошо. Успокойся, милая. Вылечишься, я тебя заберу отсюда.

Ольга, глядя в глаза маме, еле заметно помотала головой, как бы говоря «нет»...

За спиной Раисы Васильевны послышался характерный звук открывающейся двери и шаги, кто-то входил в палату.

– Ну, как дела больная? – Повернув голову на голос, Раиса Васильевна увидела и лечащего врача, и заведующую отделением.

– Хорошо, – тихим голосом произнесла больная, не отводя глаз от мамы.

– Мамаша, вы побудьте в коридоре, а мы осмотрим больную.

– Иди, мама, – Оля слегка сжала пальцы маминой ладо-

ни. – Потом... – шёпотом добавила она, как будто хотела что-то сказать, но не успела. Раиса Васильевна, встала, укладывая дочкину руку на простыню, и пошла к двери.

Через некоторое время из дверей палаты показались врач, мама Оли подошла к ним.

– Скажите, ну как она?

– Не беспокойтесь, мамаша. Всё страшное уже позади. Сегодня переведём больную в общую палату. Недельку на очищение и укрепление организма и выпишем. – Короткая улыбка заведением успокоила мать и она, с благодарностью посмотрев в след удаляющимся медикам, обессилено опустилась на стул у двери палаты. Но, недолго просидев, встала и пошла к дочери.

Ольга на глазах преображалась. Прошли сутки, как девушка очнулась, а уже старается выглядеть бодрой и даже, улыбнулась появлению мамы.

– Мама..., – Ольга протянула руку к маме.

– Лежи, лежи, доченька. Тебе ещё нельзя...

– Мама, – слабым голосом заговорила дочь, – присядь рядом. – Раиса Васильевна отодвинула одеяло от края кровати и присела около дочери. – Я хочу сказать..., – болезненно слабый голос девушки, звучал приглушенно, – ... У меня, – взгляды мамы и дочери встретились, – ... есть ребёнок, сын, Олежек. – Имя уже произнесла на последнем дыхании, шёпотом. И с последним словом, глаза мамы расширились, не то от удивления, не то от ужаса, рот приоткрылся, и она

замерла, глядя на дочь, словно не узнавая её.

Оле безумно тяжело далось сказать такое маме. Казалось бы, облегчающее признание, но, оно, своей горечью снова обессилило несчастную женщину, и она склонила ослабленную голову на бок, из глаз покатались слезинки. Ольга думала про себя: – «Я сделала себя несчастной сама, а горе принесла маме. Смирюсь, если она откажется от меня и уйдёт, но, признаюсь до конца».

Ошарашенная таким признанием, Раиса Васильевна, в душе и радовалась, и возмущалась одновременно: – «Как это, у дочери есть сын, а я не знаю? И почему доченька не сказала раньше? И почему и свекровь и зять молчат? Что от меня скрывают?». Только собралась спросить об этом дочь, как та снова выправив голову на подушке и сквозь слёзы заливавшие глаза, видя, что мама пришла в себя от первой новости и, не дав ей заговорить первой, довершила начатое:

– Он в другой семье, – выдавила она отрывисто из-за вырывающегося из груди рыдания.

Мама побледнела, схватилась левой рукой за спинку стоявшего рядом с кроватью стула и, глядя на закусившую от отчаяния губу, дочь, готова была провалиться от стыда, горя и безысходности в самую глубокую бездну. Но, неведомая сила держала её на месте.

– Господи! Что ещё мне предстоит испытать? – в отчаянии вырывалось у матери, и она повалилась на дочь, не сдержав рыданий. – А, что же тебе довелось пережить, если ты и ру-

ки наложила на себя. — Обнимая ноги дочери, мама не могла сдержать рыданий. Ей было и стыдно, и досадно за неладно сложившуюся свою жизнь. Не меньше ей было и жаль дочь, частичку её организма, натворившую бед в самостоятельной жизни, познавшую горе и утрату, а теперь страдающую от бессилия изменить что-либо и повторившую предательство своей матери в далёкой молодости.

В туманной памяти всплыла юность, целина, неожиданная беременность, плачь новорождённого малыша, точнее малышки и бегство от самой себя в никуда. Не зная ещё подробностей трагедии, она чувствовала сердцем, что предстоит её дочери долгая, тяжёлая борьба за своё сгубленное счастье. А вместе с дочерью и маме. Ещё и дома предстояло пережить во второй раз всё то, что свалилось на неё здесь, рассказывая мужу и отцу Оли.

Видя душевные и физические страдания не окрепшей ещё дочери, Раиса Васильевна силой материнской воли взяла себя в руки и, выпрямляясь, и вытирая ладонью слёзы, как могла спокойнее, заговорила:

— Ох, Оленька, натворила ты видно бед по молодости, да так, что на всю нашу с тобой жизнь хватит. — Взяла со спинки кровати полотенце и стала осторожно промакивать глаза и щёки дочери, у которой уже не было сил на рыдания, и она не подвижно лежала, а слёзы стекали по щекам, чуть ли не ручьём.

Немного успокоившись, дочь и мать стали разговаривать:

– Как дома? ...Папа как...? Здоров?

– Все здоровы, за тебя волнуются. Люда собиралась ехать со мной, да Серёжку не на кого оставить, в школу ему. На зятя надёжи никакой. Оксанка заканчивает школу, тоже никуда. Да и денег нет, я одна поехала. Тебе привет от всех. Расскажи мне про внука, – немного помолчав, попросила Раиса Васильевна.

Ольга, как могла, изложила беду, в которую сама, по своей воле и попала. Завершила короткий рассказ, словами:

– ... Я буду искать его, пока не найду. А найду, буду просить прощения, пока не простит, и не отпущу его больше от себя, – Ольга опять заплакала.

– Ох, доченька! А я думала, заберу тебя домой. Но, вижу, что опять тебя не удержу. Выздоровливай поскорей. И Бог с тобой.

Послышался звук открываемой двери, и вошли медсестра и санитарка.

– Оля, тебя переводят в общую палату, – известила сестра. – Ты сможешь сама идти, или каталку прикатить? – спросила она, подходя к постели больной.

– Смогу, – кивнула головкой девушка. Мама встала с кровати и стала помогать Оле, подниматься. После недельного неподвижного лежания, тело плохо слушалось, и с помощью мамы свесив ноги, девушка посидела некоторое время, чтоб адаптировать организм к вертикальному положению. Придерживаемая мамой, дочь поднялась на ноги, но из-за лёг-

кого головокружения на большее сил не хватило и она села снова на кровать.

– Ничего, ничего, – сказала медсестра, встретив вопросительный взгляд мамы больной. – Это нормально. Сейчас головокружение пройдёт и ей надо уже потихоньку вставать, тогда она быстрее начнёт поправляться. – Раиса Васильевна присела рядом с дочерью и, обняв её за плечи, прижала слегка к себе.

– Посиди чуток, наберись сил, – она погладила дочь по плечу.

Отдохнув минуту, другую, девушка снова приподнялась, но уже более уверенно и, опираясь на плечо мамы, сделала один шаг, затем другой, и медленной поступью пошла к двери палаты. Санитарка начала собирать постель, а медсестра сопровождала больную девушку с мамой к её новому месту.

Раиса Васильевна, успокоившись, что дочь пошла на поправку, решила ехать домой, там тоже накопилось не мало дел по хозяйству.

4

В одну из предвыписных ночей, Ольга не могла долго уснуть и рассуждая сама с собой обо всём, что произошло с ней за последнее время, в её памяти вдруг стали проявляться какие-то неясные фрагменты: не то труба, не то тоннель, по которому она движется, не чувствуя тяжести ног; светло-серое пространство, в которое выходит тоннель, переливалось заревом сверкавших бликов, а со всех сторон к ним

текли людские ручейки; силуэт человека, перегородившего путь Ольге в это пространство... Она стала вспоминать подробности: «Это же мой дедушка! Как он здесь оказался? ...Он же умер...?». Человек стал показывать ладонью назад, на тоннель. Ольга оглянулась и увидела на выходе из тоннеля, стояла знакомая фигурка пожилой женщины, в которой она без труда узнала нянечку из родильного отделения, тётю Маню. Она стояла и махала рукой, манила к себе. – «Тётя Маня...», – вырвалось вслух во сне девушки. В этот момент Оля проснулась вся в поту, сердце сильно колотилось, какая-то тревога и волнение беспокоили сознание девушки. – «Что это было? – мысленно спросила она себя. – Тётя Маня? Причём здесь тётя Маня? Почему она мне приснилась? Пять лет прошло...» – Больше до утра Ольга не сомкнула глаз. Она всё время думала о своём сыне, об Олеженьке: – «Где же он? Где его искать? Как он? С кем он? Как ему живётся? Мне даже не сказали точно, взяли ли его в какую-то семью или он где то в детдоме. Если в детдоме...? Разве это жизнь? Все чужие, мамы нет, есть чужие тётки, которые кричат, бьют, ... Что я наделала? – Переносицу Ольги неприятно заломило, из глаз покатились слёзы. – А если его отдали в семью...? Ведь все, кто берёт детей в семью, конечно, не все плохие, есть и хорошие, берут, чтоб кому-то отдать своё тепло, свою душу. Хорошо, если с Олежкой так. Но, всё равно, так же в семью берут и собаку, и кошку, для души или как игрушку. Всё равно он там чужой, не родной. С ма-

мой ему было бы лучше. А чем ты раньше думала, когда отказывалась? – упрекнула сама себя Оля. – А теперь голову ломаешь. Тётя Маня... При чём здесь опять тётя Маня? Почему я её вспомнила? Что-то она мне тогда сказала, какие-то слова, не болезненные, как все говорили, а горькие, но душевные. Кажется, что-то, вроде «Запомни одно, девонька. За свои ошибки в молодости, мы горько и тяжело рассчитываемся в старости». Да, точно! Я ещё до старости начала расплачиваться. Только б с ума не сойти. А, может она мне поможет, чем ни будь? Найти её, она ведь здесь работает, в этой больнице?!» – С этими мыслями Ольга не заметила, как на какое-то время забылась в коротком сне.

Выписавшись из больницы и выйдя из терапевтического отделения, Оля первым делом направилась в родильное отделение, которое она покинула пять лет назад с облегчением, а сейчас шла с надеждой.

Родильное отделение было в том же здании, только в другом подъезде. Поднимаясь по ступенькам крыльца, на входе Ольга встретила санитарку, которую нянечка называла Петровой, по отчеству.

– Здравствуйте, – обратилась к ней девушка. – Вы не скажете, тётя Маня сегодня работает?

– Какая тётя Маня? У нас нет... – санитарка посмотрела

на спрашивающую девушку и о чём-то припоминая, спросила: Марья Владимировна, что ли? Нянька? – Девушка закивала головой. – Так она, год, как уволилась. На пенсии она. – Голос санитарки был грубоватый и противный такой, что не хотелось больше о чём-либо её спрашивать, к тому же, она даже не приостановилась, чтоб ответить спрашивавшей, а продолжала идти, и девушке пришлось сойти с крыльца и следовать за ней. Но цель, стоявшая перед Ольгой, вынуждала терпеть, и она вновь вдогонку спросила: – Может, подскажите, где её найти? Где она живёт?

– А я почём знаю? – не поворачиваясь, грубым голосом отвечала санитарка, – где-то в городе. В гости не ходила, не знаю.

Ольга замедлила шаг, глядя в спину удаляющейся не приветливой санитарке, и в нерешительности остановилась, не зная, что дальше предпринять. Но, через мгновение, какой-то импульс решимости пронизал её, и она вновь направилась к крыльцу родильного отделения. Чуть больше месяца назад, она уже была здесь, но, столкнувшись с не пониманием завотделением, даже не подумала о доброй нянечке. А теперь, решила любым путём разузнать, где живёт тётя Маня и уж если он не поможет, то хотя бы посоветует что-то.

При входе в родильное отделение, было не большое фойе, где обычно находились посетители и где молодым папашам вручали маленькие свёртки-конвертики с их наследниками.

Ольга вошла в фойе и никого там не увидела. – «Навер-

ное, рано ещё, – подумала девушка, – к обеду будут выписывать». Нажав кнопку звонка, справа от двери, и ожидая пока её откроют, Ольга разволновалась до дрожи в теле. Хотя тело ещё не окрепло от своей болезни и, хлебнув прохладного, осеннего воздуха, дрожало само по себе.

Ожидание всегда долгое, а тем более, ожидание не известности, хотя, прошло не более минуты от нажатия кнопки, мучительно давило на психику. – «Ну, где же вы?» – в мыслях возмущалась Ольга, и тут же щёлкнул замок, и дверь открылась. Из проёма показалась женщина в белом халате, вероятно дежурная медсестра.

– Здравствуйте. Я тут когда-то рожала... – Оля не договорила обстоятельства своих родов, но, как-то нужно было расположить к себе медсестру и она начала как бы издалека. Но та, невозмутимо глядя на посетительницу, спокойно ответила:

– Ну, у нас весь город и полрайона рожают...

– Ну да, ну да, – Ольга спешила сказать суть своего прихода, чтоб дежурная не ушла. – Но, помогите мне, – она просительно посмотрела в глаза дежурной сестре, – ... мне нужно узнать, где живёт тётя Маня, то есть, Мария Владимировна, нянечка, она год назад уволилась. Помогите, пожалуйста, – молодая женщина чуть не плакала, прося, – найдите её адрес.

– А где же я вам найду? – растерялась от ситуации сестра. – Здесь же не отдел кадров. Уже год прошёл...

– Ну, пожалуйста..., мне очень надо. Больше нигде

узнать! – По голосу просительницы чувствовалось, как комок досады перекрывает горло и ей становится трудно говорить, а в глазах заблестели искорки слёз. Медсестре стало жаль девушку. Глядя на неё, она почему-то прониклась каким-то скрытым пониманием. – «Так просто не будет просить, верно, очень надо».

– Ну, хорошо, я попробую, – не уверенно, но, всё-таки оставляя надежду, сказала сестра. – Ждите здесь.

Нет ничего ужасней, чем ждать и догонять. Мучительно долго тянется время, тем более, когда впереди неизвестность. Минуты кажутся часами, часы – вечностью. Но цель, к которой шла Ольга, оправдывала трудности и лишения, оказывавшиеся на пути.

В ожидании ответа, Ольга стояла у окна и смотрела на серый, не уютный вид из окна, где деревья были грязно-серыми, без листьев, осыпавшихся на землю и смешавшихся с мусором и грязью. Периодически, то начинался и моросил, противный осенний, мелкий дождь, то на какое-то время прекращался. Лёгкий ветерок, шевелил тонкие нити ветвей, пятнистой, с корявым стволом, берёзы. Несмотря на то, что в помещении было сравнительно тепло, батареи отопления грели, но, при виде гнусного, осеннего пейзажа за окном, по не окрепшему телу девушки то и дело пробегали холодные «мурашки», инстинктивно сокращались мышцы спины и плеч и, видно было, как они передёргиваются под пальто.

Глядя в окно, Ольга не особо то и думала о том, что там

видела. Её голова, её сознание были подчинены конечному результату цели – встрече мамы с крохотным существом, которого много лет назад она так бездумно предала, отказавшись от него и получив некое моральное облегчение, пресловутую свободу. Не думала тогда Ольга, что это облегчение будет мнимым и организм, сохранивший в памяти частичку себя, насильственно оторванную неокрепшим молодым сознанием, ныл, страдал от потери этой частички.

Всесильную, мудрую природу, не обманешь! В природе всё живое, всё чувственное, всё взаимосвязанное и зависит друг от друга.

Если произвела матушка Природа любой организм, травинку ли, водичку ли, камешек или человека, она будет сопровождать это всё в течение всей, определённой своими сроками, жизни: травинку – пока она растёт, зеленеет, становясь кормом для других детей Природы, или желтеет и засыхает, разлагаясь и становясь удобрением для других растений, проросших на её прахе; водичку – пока та, выйдя из недр Земли, течёт, питая своей влагой по пути русла, всё живое вокруг, либо испаряясь, возносится к облакам, накапливается в них, а оттуда матушка проливает её в виде дождя на всё рождённое ею, в стороне от водного русла, поя и омывая своих детей; камешек – определяя его предназначение и местоположение; человека – наделив его способностью разумно размножаться, помогать матушке, содержать Землю, украшать её, а состарившегося и умершего – примет в своё

лоно, дав возможность продолжать свою миссию его потомкам. И каждое, не естественное, не определённое Природой действие – не естественная утрата своей частички, вызывает мучение всего организма, и длиться оно будет до полного восстановления положения определённого ей.

Соответствуя этому правилу, организм Ольги ныл, болел от нарушенного естества, определённого Природой. И в сознании девушки проявлялись картины, которые должны были быть при естественном ходе событий: малыш, радующийся при виде мамы, бегущий ей на встречу с распростёртыми ручонками и падающий в её объятия, получающий дополнительную энергию через мамин поцелуй. Но, почему-то Ольга не видит его личика! Почему-то личико ребёнка расплывчато, без чётких очертаний лобика, глазок, носика... Почему? – «Какой он сейчас? – попробовала мысленно представить Олежека. – Почти пять лет! Уже большой!». И всё! Больше не было представления, какой он сейчас. Да и откуда ему, этому представлению взяться? Для этого надо видеть ребёнка каждую минуту, кормить его, купать, укладывать спать, спеть колыбельную или сказку рассказать, видеть его первые шаги, слышать первые слова, провожать в ясли или садик..., тогда и в памяти будет храниться информация. Если не испытать всего этого, то трудно, или вообще не возможно вообразить того, чего не было.

Тяжело вздохнув, – «Как мучительно долго тянется время!?» – женщина промокнула следы скатившихся по щекам

слезинок и сами глаза.

Долгожданная дверь, наконец-то клацнула отпираемым замком и из приоткрытой створки показалась медсестра.

– Вы здесь? Вот, смотрите, – Оля не подошла, а прыгнула к двери, где выглядывала дежурная и протягивала листочек, бланк назначения врача, – еле нашла в старых списках сотрудников, чудом не выброшенных. – Оля схватила бланк и увидела написанный ручкой адрес. Нервы её не сдержались и из глаз не потекли, а хлынули слёзы. Вместе с страданием, на лице появилась и улыбка благодарности этой любезной незнакомке, ни чем ей не обязанной.

Ольга поцеловала листочек и в порыве чувства благодарности, приникла к медсестре и поцеловала её в щёку.

– Спасибо, – всё, что смогла выдать из себя сквозь слёзы девушка и, повернувшись, выбежала из фойе. Медсестра в след ей только пожала плечами и не произвольно, вместе с ответной улыбкой, из её уст вырвалось:

– Чудная..., – и она скрылась за дверью, опять щёлкнув замком.

Окрылённая надеждой Ольга, не пошла сразу домой, а, глянув ещё раз на листочек и прочитав адрес: ул. Садовая 21 кв. 4, – стала вспоминать, где она могла слышать о такой улице. Но, к сожалению, города, хоть он был и не большой, она не знала. На улице прохожих почти не было. Время ещё только близилось к полудню и, одни были ещё на работе, другие, ещё только собирались на работу, и спросить

было не у кого. Пройдя ещё не много в сторону центра, так и не рискнула спросить ни у школьников, ни у торговли овощами и фруктами. На оставленные мамой деньги, на всякий случай купила по килограмму яблок и груш и полкило мандарин, и пошла дальше, в надежде встретить кого-то понадежней и возможно, осведомлённей.

Домой идти не хотелось. При выписке из больницы, можно было подождать Ваську, он бы зашёл, но, Ольге не хотелось его видеть, по крайней мере, пока. За две недели нахождения её в больнице, муж появился три раза. С последним разом, на кануне выписки, Оля отдала мужу не нужные ей вещи и сейчас шла налегке. Она, для себя уже решила всё окончательно, расскажет Василию о своей тайне-горе, и если он не поймёт и не примет её с сыном – она расстанется с ним. Отношения, сложившиеся между ними нельзя назвать светлыми, искренними и не связывают их ни чем, кроме штампа в паспорте. И к основной цели пойдёт сама. «Жалко только его родителей, – думала о стариках девушка, пересекая перекрёсток по „зебре“. – Добрые они, надеялись, что родим им внука. Но, ему не надо».

Перейдя на другую сторону улицы, Ольга увидела, на своё счастье, как из-за угла жилого дома-пятиэтажки, вышла женщина в длинной форменной куртке почтальона. – «Вот, кто может знать!» – подумала девушка и направилась к почтальонше. А та, повернув на тротуар, стала удаляться. Ольга пробежала несколько десятков шагов, и догнала женщину

в форме. Женщина, услышав за спиной шум тяжёлых шагов, на ходу оглянулась.

– Простите, простите! Можно вас спросить? – Почтальон остановилась. – Может, вы мне скажете, где улица Садовая?

– Да, вон там, за больничным комплексом, – женщина махнула ладонью в сторону, с которой Ольга только, что пришла.

– Спасибо. – Ольга растерянно посмотрела на женщину.

– Не за что, – почтальонша безразлично повернулась и пошла восвояси. А девушка продолжала растерянно смотреть ей в след.

«Я ведь только оттуда пришла...» – расстроившись, рассуждала Ольга. Но, проснувшееся и постоянно укреплявшееся материнское чувство, не позволило отчаяться, и она решительно повернулась. Не идя к переходу, тут же перешла на другую сторону улицы, и через двор углового дома сократила путь на полквартала.

Обратная дорог оказалась короче и быстрее. Вскоре молодая женщина с одним полиэтиленовым пакетом с фруктами и другим, с личными вещами, оказалась на улице, вблизи больницы, из которой час назад вышла. Время было уже за полдень и на улице появились прохожие. Оглядев взглядом, кто из прохожих может быть более сведущим, и словоохотливым, Ольга увидела старичка с маленькой собачкой – спаниелкой на поводке. Девушка направилась к ним.

– Здравствуйте. – Подойдя на расстояние, не нарушавшее

зоны ответственности «охранника», поздоровалась Оля. Пожилой человек остановился и взглянул на девушку. – Вы не скажете, где здесь улица Садовая?

– А, вот, не далеко, – человек полуобернулся и указал рукой направление. – За забором больницы налево и через один квартал направо, будет Садовая. – Старичок, как будто удовольствие получил, объяснив девушке, где улица, так радушно улыбнулся, а благодарная и, на ещё одну дольку приблизившаяся к своему счастью, девушка, подарила ему ответную улыбку.

– Спасибо, – девушка погладила по головке спаниельку, вставшую перед ней на задние лапки и как ребёнок маме, смотрела своими коричневыми глазками в глаза женщине, как будто сказать хотела: «Иди, иди! У тебя всё получится».

«Вот и собачка сочувствует мне, а люди не понимают...», – подумала Ольга, и благодарно помахав рукой спаниельке, провожавшей её взглядом, пошла в указанном направлении.

Не без труда, в лабиринтах дворов, Ольга нашла старую пятиэтажку с нужным номером, чёрным трафаретом выделявшимся в торце дома, на уровне верха окон первого этажа. Пройдя вдоль дома к первому подъезду, где на втором этаже была нужная квартира, девушка, волнуясь, поднялась на площадку этажа. Постояв в нерешительности мгновение перед дверью и набравшись храбрости, девушка нажала кнопку звонка.

Как всегда, ожидание мучительно: из-за двери ни звука, ни голоса.

«Нет дома!». – От отчаяния Оля чуть не заплакала и повернулась уходить, когда из-за двери, как бы из глубины, раздалось: «Сейчас, сейчас, иду, иду», – старческий голос извещал, что дома всё-таки люди есть.

Чувство отчаяния вновь сменило волнение и Оля опять, в состоянии ожидания, стояла перед дверью. Вот, наконец, замок клацнул своими железками, и дверь потихоньку стала отворяться, и, дойдя до половины проёма, остановилась, проявив маленькую, пожилую женщину, с удивлением глядевшую на гостью.

– Здравствуйте, – первой пришла в себя Ольга.

– Здравствуйте, вы к нам?

– Тётя Ма... Ой! Извините, Мария Владимировна, – девушка покраснела, ещё больше волнуясь, аж начала заикаться. – Вы м-меня... н-непомните? – Посмотрев, что тётя Маня напрягается, чтоб вспомнить, где могла видеть гостью, тихо добавила, опустив глаза: – Пять лет назад... рожала...

Что-то, вспомнив, старушка, от удивления прищурившись, стала всматриваться в кого-то напоминавшие черты, этого молодого лица.

– ...Ребёночка, ... оставила...

– Да, ... да, помню, тихо заговорила хозяйка. – Проходи, – открыла дверь шире. – Проходи, раз пришла. Знать не сладко тебе с этим... – пропустила мимо себя гостью и прикры-

ла за ней дверь. — Снимай пальтишко, вот, вешай, — указала на вешалку и прошаркала старческими ножками мимо девушки к видневшейся в конце прихожей двери. — Проходи на кухню, — пригласила хозяйка, а сама прикрыла дверь в комнату. — Сейчас будем пить чай, — тётя Маня вошла за гостьей в кухню, — там у меня дедушка, хворает, — махнула морщинистой ручкой в сторону прихожей. — Напарила его и уложила. Пусть отдыхает, а мы здесь посплетничаем. — Мария Владимировна прошла вперёд, за ней гостья, прихватив пакет с фруктами. — Садись к столу. — Тётя Маня прошла к газовой плите и потрогала пальцами чайник. Видимо он был тёплый, потому, что не стала зажигать газ. Плавнo двигаясь по кухне, поставила на стол пару чашек, одну вазочку с конфетами, другую с вареньем, гостеприимная хозяйка, как бы оправдываясь: — Давно гости к нам не заходят..., — налила из чайника в чашки кипяток, затем заварку, — угощения не готовлю.

— Тё..., — Ольга поправилась: — Мария Владимировна, ничего не надо. Мне бы только поговорить с вами, посоветоваться...

— Советоваться..., со мной? — удивилась старушка. — О чём я могу советовать?

— Возьмите... гостинец, — Ольга нерешительно протянула хозяйке пакет с фруктами. — Дедушку своего угостите, пока, а я соберусь с духом, а то все слова куда-то вылетели, не знаю уже, как вам и объяснить.

– А ты не волнуйся, милая, будь как у себя дома, – добрая улыбка старушки, действительно поддержала девушку и пока хозяйка, заглянув в пакетик, искренне возмущалась: – Ну, зачем так много? Взяла бы по штучке... – выложила несколько фруктов в раковину, – набрала кучу всего... Ну, вот, – протянула пакет с остатками гостинца девушке, – а это отнеси своим родителям, они, поди, тоже не часто тобой любуются.

– Они далеко, – с сожалением созналась Оля, – так, что, вместо них, я хочу угостить вас... за вашу доброту.

– Да ну-у, какая там...

– Да... вы одна, тогда..., так мне сказали.

– Ты, та девочка, – видимо окончательно вспомнив, кто гостя, – что... ребёночка...? – Оля потупила глаза и кивнула головой. – И как ты, сейчас...?

– Очень плохо. И нагулялась на свободе, и замужем сейчас, но себя потеряла вместе с ребёнком. Во мне всё кричит: найти сыночка моего. Больше ничего мне в жизни не надо, только вернуть Олеженьку и жить с ним, видеть его и..., и просить у него прощения за..., – слезинки появились из уголков глаз и скатились по щекам, – ... предательство.

– Ну, ничего, ничего, ... держись. Это хорошо, что ты его любишь и вспоминаешь. Только, как ты его найдёшь? Пять лет прошло...

– Я и пришла к вам посоветоваться, может, подскажите что?

– А как родители? Помнится, ты боялась родителей, что не примут.

– Я маме всё рассказала, сейчас, после того, как решила его искать.

– Бедная, бедная мама! – закачала головой старушка. – Тяжело ей досталось слышать такое.

– Не знаю, пока, как, но я его всё равно найду, хоть всю жизнь буду искать.

– Я не знаю, что, дочка тебе посоветовать.

– Я была у заведующим, он сказал, что передали ребёнка в Дом малютки. Пошла туда, а ихняя заведующая сказала, что его забрали в семью. И, конечно, не сказала в какую.

– А кто ж тебе скажет? Это подсудное дело. За нарушение тайны усыновления, могут под суд отдать. Я уж не говорю, что уволят. А сейчас с работой не легко... Уволят, на другую такую не возьмут. И куда тогда она? В санитарки, как я? Так я через десять лет после выхода на пенсию, а ей ещё до пенсии ой, ей...

– Но, я не знаю... – Гостья потупила взгляд на стол. – Мне жизни нет без ребёнка, не на этом свете, не на том, – в отчаянии призналась Ольга.

– А почему не родите с мужем? Он знает за ребёнка?...

– Пока, нет. Но я скажу..., обязательно скажу, хоть и не верю, что он примет меня с такой вестью. Но, я тогда уйду... искать сына. Мне ни кто больше не нужен, – девушка отчаянно помотала головой из стороны в сторону. – На тот

свет меня не взяли, буду искать сына на этом свете.

– Ты, что это милая, такое говоришь? – хозяйка нахмурилась, глядя в глаза девушке. – Ты что, руки... на себя...?

– А, что мне оставалось делать?

– А кто тебе дал право..., – посерьёзнела и погрознела старушка, – ...за свою короткую жизнь, сделать несчастными столько людей? Сына несчастного тебе мало? Ты ещё хочешь родителей к гробовой доске приблизить? Да и мужа овдоветь? А у него и родители тоже есть, наверное?

Ольга слушала грозный выговор старушки, но ни какой обиды не возникало. – «Она права, права. Ни кто так не мог мне сказать. А она сказала, как самая родная».

– Спасибо, тётя Ма... Мария Владимировна, – после короткого задумчивого молчания обеих, искренне произнесла Ольга.

– Да уж, зови меня, как все звали, как легче тебе. И почему с мужем не рожаете? – переспросила хозяйка.

– Ему не надо...

– А что ему надо? Кобель наверно?

– Вроде этого.

– Ну, понятно. – Опять обе посидели молча, думая каждая о своём. Наконец, тётя Маня что-то решив, подняла глаза на гостью и медленно так, обдумывая слова, заговорила: – А ты знаешь, что если твой сынок попал в хорошую семью и ему там хорошо? А ты устроишь тяжбу по его возвращению... А ему ведь не пять дней, а уже пять лет, и он всё по-

нимает. Как его отрывать будешь от его мамы и папы? Как объяснишь ему, что ты сама отказалась от него? А он ведь уже любит маму и папу!?

Ольга сидела и слушала её заслуженные вопросы, искренние слова единственного человека, которого знала очень мало, но, которому, не совсем понятно почему, душой доверилась очень-очень. Верила, что эта старушка если не поможет, то существенно посоветует.

– Я не знаю... Я в отчаянии. Не задумывалась... – растерянно бормотала девушка, блестя полными слёз глазами и отрицательно мотая головой.

И хозяйка, и гостя некоторое время сидели молча, каждая по-своему, переживая последствия бездумного поступка Ольги, пятилетней давности.

– Ну, вот, что девонька, – выпрямив голову, первой очнулась Мария Владимировна, – послушай меня, что я тебе скажу, – тётя Маня посмотрела проникновенно в глаза девушке. – ... Я возьму грех на душу, постараюсь помочь тебе, узнать, что-нибудь. С Ириной..., Викторовой, мы когда-то вместе работали акушерками в родильном..., по старой памяти, попробую поговорить с ней. Но, ты, моя милая, должна пообещать мне, что если даже, без меня, ты сына найдёшь, не спеши натворить ещё беды. Разберись, кто эти люди и как ребёнку у них живётся? Если ребёночку хорошо, он счастливый, найди в себе силы, не сделать его несчастным в другой раз, а с ним его родителей, за счёт призрачного своего

счастья. – Обе женщины внимательно и терпеливо смотрели в глаза друг дружке. – Если не услышишь меня и моих слов, умру я с грехом в душе.

Глава 5

1

– Ну, как ты себя чувствуешь? – спрашивал Андрей по телефону свою жену. Он волновался, и было за что. Наконец-то, через пять лет случилось то, что предрёк профессор после обследования обоих супругов в медицинском центре, Лена забеременела! И, что явилось толчком? То ли сильное желание обоих супругов, то ли действительно, взятый из Дома малютки ребёнок? Но, это уже не важно, главное, случилось так, как сказал доктор – Лена забеременела.

Если даже причиной явился их сынок Олежка, то мало того, что они его любят, без намёка, что он приёмный, теперь он стал ещё роднее, ближе и любимее. И, как его не любить? Светловолосый, голубоглазый как мама, нежный, ласковый. В свои пять лет, рассудительный не по-детски.

Не смотря на то, что мама и папа рано его поднимают в садик, чтоб самим не опоздать на работу, он стойко переносит такое неудобство, и с помощью папы с успехом усвоил не сложный принцип: Чтоб хорошо жить, надо хорошо работать, а чтоб успешно работать – надо учиться, а учиться надо, начиная с садика.

– Я вырасту, – рассуждал Олежка, – и стану директором большой фирмлы.

– Наверное, правильно будет, «фирмы», – поправлял его папа. А мама спрашивала:

– Какой фирмы?

– А такой, где много кабинетов, а в них менеджеры и секретарши.

Мама и папа улыбались серьёзным рассуждениям малыша. Легко и приятно слушать сына и видеть то, как он впитывает в себя, как губка влагу, пример родителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.